

КРАСНАЯ НИВА

50

ЦЕНА № «КРАСНОЙ НИВЫ» ПОВСЮДУ **20** коп.

М. И. Калинин.

С портрета нар. худ. А. Архипова.
Из серии заказов Совнаркома.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1928 ГОД

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

КРАСНАЯ НИВА

6-й ГОД издания. под редакцией А. В. Луначарского, В. П. Ялонского, И. И. Степанова-Скворцова. 6-й ГОД издания.

КРАСНАЯ НИВА — первый по времени советский иллюстрированный журнал.

КРАСНАЯ НИВА дает в каждом номере по несколько рассказов, стихотворений и очерков.

КРАСНАЯ НИВА дает в каждом номере свыше 50 художественных иллюстраций и фото-снимков

КРАСНАЯ НИВА отражает явления нового быта и дает полный обзор внутренней и внешней жизни СССР и заграницы в фотографиях и зарисовках.

КРАСНАЯ НИВА уделяет большое место художественной культуре СССР и Запада.

КРАСНАЯ НИВА дает 52 №№ богато иллюстрированного журнала, по 24 стр. большого формата в каждом номере, в красочной обложке.

КРАСНАЯ НИВА в 1928 году расширяет все отделы, улучшает техническую внешность издания и привлекает новые литературные и художественные силы.

В 1928 году печатание журнала „Красная Нива“ будет производиться во вновь отстроенной типографии „ИЗВЕСТИЯ ЦИК“, оборудованной новейшими усовершенствованными машинами. Благодаря установке новой машины для тифдрука и машин для офсета, редакция имеет возможность значительно улучшить качество иллюстраций, доведя их исполнение до степени высокой художественности.

В 1928 г. БУДЕТ ПОМЕЩЕНО ОКОЛО

110 рассказов русских и
иностранных авторов.
350 стихотворений.

200 очерков.
3.200 фото-снимков.
100 страничных рисунков.

В 1928 году, кроме многокрасочной обложки, будут даваться в виде самостоятельных вкладок страничные многокрасочные репродукции с произведений выдающихся русских и иностранных художников, печатание которых будет производиться на новейших машинах офсет.

В 1928 г. в „Красной Ниве“ намечены к напечатанию произведения следующих авторов:

Р А С С К А З Ы:

А. Аросева, И. Бабеля, А. Бибика, И. Вольнова, В. Вересаева, А. Веселого, М. Волкова, Ф. Гладкова, С. Григорьева, А. Грина, И. Евдокимова, Л. Завадовского, Вс. Иванова, В. Инбер, А. Караваевой, Ив. Касаткина, В. Катаева, Вл. Лазарева, Л. Леонова, Вл. Лидина, Н. Ляпко, С. Малашкина, А. Малышкина, Н. Никандрова, А. Новикова-Прибоя, Л. Никулина, П. Низового, Л. Пасынкова, А. Перегудова, Б. Пильняка, М. Пришвина, С. Подъячева, И. Романова, А. Серебряникова, Л. Сейфуллиной, А. Свирского, Д. Стопова, И. Соколова-Микитова, С. Сергеева-Цепского, Н. Сухотина, А. Толстого, К. Трёхнева, Г. Устинова, К. Федина, А. Чапыгина, Вяч. Шишкова, П. Ширяева, В. Юрзинского, А. Яковлева и других.

С Т И Х И:

А. Александровского, С. Алымова, Д. Алтаузена, Вл. Василько, М. Герасимова, С. Городецкого, М. Голодного, И. Доронина, П. Дружинина, А. Жарова, Н. Зарудина, В. Заводчикова, С. Клычкова, В. Кириллова, Б. Ковынева, Н. Колоколова, В. Наседкина, П. Орешиня, С. Обрадовича, А. Прищельца, Е. Пастернака, Д. Петровского, Н. Полетаева, И. Уткина, Е. Эркина и других.

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ:

Н. Ашукова, Адалис, Г. Акульшина, Д. Аркина, С. Борисова, И. Бородина, Д. Благого, С. Бугославского, С. Бройде, М. Бабенчика, Л. Варшавского, Н. Волкова, И. Вершинина, Л. Войтовского, Л. Гроссмана, С. Голиковского, В. Гильяровского, Э. Гольпербаха, И. Грабара, Н. Замошникова, М. Зингера, Л. Зилова,

В. Инбер, И. Крути, И. Кукушкина, И. Кубикова, П. Когана, В. Лебедева, А. В. Луначарского, Е. Лаганского, В. Львова-Рогачевского, И. Лазаревского, П. Маркова, П. Медведева, В. Никольского, О. Озаровской, М. Ольшевца, Л. Поляриго, Ф. Рогинского, М. Райхинштейна, Н. Семашко, Ю. Соболева, В. Сахновского, А. Старчакова, Н. Смирнова, Ю. Свешниковой, В. Турганова, Я. Тугендхольда, Я. Тепина, Д. Фибиха, В. Холодковского, А. Эфроса, Г. Якубовского, Г. Яffe, М. Цвилковского, П. Щеголева.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ РИСУНКИ ХУДОЖНИКОВ:

Ю. Анценкова, С. Адливанкина, А. Архипова, Б. Береплюса, В. Бехтеева, Бела Уиц, И. Бродского, А. Бенуа, В. Ватагина, Г. Вейского, С. Герасимова, Ю. Ганфа, А. Григорьева, А. Дейнека, Н. Дормидонта, К. Елисеева, Н. Кунреанова, К. Кузнецова, Д. Кардовского, П. Кончаловского, Е. Кругликовой, Н. Крымова, А. Кравченко, В. Конашевича, Е. Лапсера, П. Львова, Ф. Мазеселя, В. Мухиной, И. Новинского, И. Новожилова, Ю. Обленского, А. Осмеркина, Ю. Пименова, И. Павлова, В. Сварога, Стенберга, М. Сарьяна, Тишлера, Р. Френца, Фалька, Циллера, Д. Штернберга, К. Юона и др.

Ф О Т О - С Н И М К И:

В. Лобода, С. Магазинера, Н. Петрова, Н. Преснякова и друг.

Новости театра и кино с иллюстрациями:

ШАРЖИ, КАРИКАТУРЫ, БЫТОВЫЕ ЗАРИСОВКИ — Д. Мороз, В. Дени, Б. Ефимова, М. Черемных, К. Ротова, К. Елисеева и других.

Страницы русского и иностранного юмора.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1928 год:

На 12 м.	На 9 м.	На 6 м.	На 3 м.	На 1 м.
8 р.—	6 р.—	4 р.—	2 р. 10 к.	75 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ 20 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В Москве: 1) Главной Кой «Известия ЦИК», Тверская, 48; 2) Городскими Отделениями «Известий ЦИК»; 3) Почтамтом; 4) Городскими почтовыми отделениями; 5) Письмоносыами; 6) Справочными Бюро М. К. Х.

В Ленинграде: 1) Отделением «Известий ЦИК», Пр. 25 Октября, 68; 2) «Газетным Бюро» при Ленинградском Почтамте; 3) Городскими почтовыми отделениями; 4) Письмоносыами.

В провинции: 1) Отделениями «Известий ЦИК» на местах; 2) Почтово-телефонными конторами СССР; 3) Контрагентами по распространению периодической печати.

Пролетарии всех стран, единьтесь!

№ 50
11 декабря 1927 г.

КРАСНАЯ НИВА

пятый
год издания

В политической тюрьме.

Борис Годунов

Рис. Гора (Болгария)

Рассказ

Вл. Лазарев

Этим летом у вдовевшего Ераклия сгорела крытая лубком изба и утонул плечистый сын, похожий на покойную мать. Одинокий, без угла, Ераклий стал наблюдать за собой, напуская степенство, но по бедности не хватало сил сменить потрепанную рубаху, и сквозь нее проглядывал пилой хребет; запустил Ераклий бороду и, чтобы она не мешала, прятал ее за воротник, и густая борода топорщилась на груди шарфом; долгие волосы, хоть косу заплетай, убирая под линялую шапку, не снимая ее. Ераклий, думая свое, все куда то торопился, сторонясь людей, разговаривал с ними слово за слово, а тут еще что-то сделалось у него с глазами: он даже спал, не смыкая заплывших глаз. День Ераклий ходил по селу, молча собирая в торбу подаяние, а вечером убирался на глухой полустанок спать, ложился под скамью, на подсолнечную шелуху, сметенную с платформы, клал под голову торбу, с которой успел скиться, будто носил ее сроду.

Раз, не успел он задремать, как нанесло дождь. Ераклий высунулся наружу, набирая в ладонь, как в ковш, студеных капель, стекавших с крыши станции, и, увидав в конце полустанка костер, от которого веяло теплом, и дымом, пошел к огню.

У костра, завернувшись в серый брезент, сидел путевой сторож. С утра проверял он пути, подкручивал гайки у рельс, выщипывал зеленую порось из трухлявых шпал, а на ночь подрядился сторожить привезенные для отправки в Москву арбузы и дыни, раскиданные по обе стороны всего полустанка.

Подбросив золотой соломы, сторож растянулся на рогоже, поглядывая, как свет от костра, вытягиваясь рогами, скользит по мокрым арбузам и дыням, похожим на черепа, и, загнув ногу, любовался на полумесяц набойки, блестевшей на каблуке.

— Видать, новые подбил, — кивая на сапоги, сказал Ераклий про подметки, усаживаясь у жаркого костра, за которым пропали, поливаемые дождем, полустанок, уснувшее село и почерневшая осенью степь. — А дождь спорый. Ишь, как шумит... — прислушиваясь, сказал он.

— Какой с того шума толк! — всполошился сторож, щипывая вздернутую бровь, что он всегда делал при разговоре. — А тут вот день майся, ночь придет — дежурь.

— Тебя никто силом не тянул, — грязя руки, вытянув их над огнем, перебил его Ераклий.

— Ты теперь чист — ходи да меряй землю, а то начинай жизнь сначала, — сердясь, говорил сторож. — А я человек семейный, у меня в будке в роде как птичник: нары в три яруса, под самую загнетку. На мою орду в один присест три буханки уходит, как в хорошей пекарне в торговый день. Гам, писк, теснота... А я читать привычен, женихом жилетку носил, стричься ходил в баню, а теперь баба косой волосы подрубает. На что это похоже? Только и отрады вижу, когда путешествую: у меня всякие карты есть, — где какой город,

где море. Сижу я утром в углу, листую такой альбом с картами — проездом мне его один инженер подарил, — охота мне до Африки дознаться, будто там жара несусветная, а тут подходит ко мне жена, теребит за рукав и запевает свое: — «Куда тянешься, ты бы ребятам валенки подшивал, зима ведь скоро!». Выйдешь на пути, а поглядеть у нас, сам знаешь, не на что: так поглядишь — пустырь, и так повернешься — пустырь.

Сторож с досадой пихнул ногой арбуз, который укатился в лужу, как бы горевшую от костра.

— В тебе кровь не отжила, вот ты и шебушишься, — сказал Ераклий, не понимая, чего не хватает в жизни сторожу. — А я о сыне печалюсь... — помолчав, вдруг проговорил он. — Ты видел его когда?

— Видал, — нехотя сказал сторож, укладывая раскатившиеся арбузы. — В тот день, как ему утонуть, пришел я на станцию, а он билет выправляет. Смотрю, пазуха у Саньки отдута. Заглянул ему за пазуху, а там голубь. Куда, говорю, птицу-то везешь? — «Да хочу, говорит, мету поставить». — Вытащил он белястого голубя, глаза в роде пуговок, хохолок на голове, а хвост, как ни гни, трубой торчит. Шомотрел я на лапы птицы — и они в перья обряжены. Не голубь, а пава! Кто ж, говорю, мету будет ставить? — «Есть, сказывали, нивелир в городе, пусть он кольцо на лапу голубя накинет». — Мало, говорю, тебя отец бьет, и деньги давать тебе некуда, вот ты и забавляешься!

— Это ты напрасно: бьет мало, — будто обидясь, заговорил Ераклий. — Бывало, как суббота, веду я Саньку домой и бью. А он еще пытать начнет: по какой такой причине вдяряю ему? — Да ужели, говорю, за неделю ничего ты не навторил? Доглядывать мне за тобой некогда, а это, чтобы ты отца помнил.

— Помнил он тебя или нет, я не знаю, — отрубил сторож, — а только Санька в тот раз и говорит: — «Этого голубя ни на что не променяю: его куда ни занеси, обязательно домой прилетит». — И стал он голубем хвастать, всяко показывал его, а когда сунул за пазуху, он и заворкуй. Ты где был в тот день?

— Да разве я помню, — потупив глаза, сказал Ераклий. — Ничего я не помню, память у меня на отшибе...

— Не привелось мне узнать, что он с голубем сделал. Прохожу я на закате путями, — продолжал рассказывать сторож, — заглянул с моста в реку, а Санька прыгает с насыпи на плот. Смотри, говорю, сломаешь голову! — И пальцем ему погрозился.

— Ну, а он? — спросил Ераклий.

— Он, известно, не слушает, — лежа на спине, говорил сторож. — Ветрогон он! И заметь, то ли Санька о плот удалился, то ли пога у него неловко подвернулась, смотрю, Саньки и след простыл. Ах, ты... Я туда, сюда, народ звать. Нашелся один нырок. Вытянул за руку Саньку, а он уж тем-

ный и не баражается. Стали мы его качать. Видим, дело дрянь. Нырок бегуном за фельдшером... Приходит тот, взял одну руку, другую, грудь слушал. Потом поднимается, отряхивает брюки, оправляет мокрые усы, — замочил их, слушая Саньку, — и приказывает нам нести его в больницу. Мы и снесли, а чего там с ним делали, мы не знаем. Похоронили его?

— Себе не оставили, — вздохнув, сказал Ераклий. — Надо думать, похоронили. Вот он тебя не слушал, так и меня, через не послушание-то и погиб. Кому какая доля! А все-таки, знаешь, жалко его. Пусть бы жил, что в самом деле, а? Парнишка молодой, чего с него спросить!

— Доглядывать надо, — строго сказал сторож.

— За нами не доглядывали, а живем, и ничего нас не берет, — развел руками Ераклий.

Скоротав так ночь, не спавши, Ераклий проводил до жилья сторожа и с торбой вышел на село, укрытое пухлым туманом. Он зашел на свою покинутую усадьбу, куда не заглядывал с самого пожара. Зашел посмотреть, что там делается. От пожара уцелел обгоревший тополь и странно торчащая русская печь. Заглянув в темное жерло печи, где серела невыграбенная зола, Ераклий увидел того самого Санькина голубя. Голубь, взбивая золу, взмахнул снежными крыльями, но улететь не мог. Ераклий, забравшись с ногами на шесток печи, словил его и бережно сунул себе за пазуху. Обрадованный находкой, Ераклий даже посветлел в лице. Чувствуя, как дышит взволнованный голубь, Ераклий двинулся к окопице. В тот день он навсегда ушел из села. На прощанье он завернулся в сторожевую будку.

— Куда же ты теперь думаешь? — провожая его, спросил сторож, видя, что Ераклий накрепко собрался уходить.

— Это ты напрасно: дает мало, — будто обидясь, заговорил Ераклий

— Что думать-то, куда вот он поведет, туда и пойду, — спускаясь с крыльца, показал Ераклий на голубя и ударил по ступеням белым подожком, от которого сладко пахло липой.

Он шел мимо станции. Увидя черное воронье, обсевшее арбузы и дыни, он замахнулся на них:

— У, нанесла вас нечистая сила!

Воронье шумным облаком поднялось над головой Ераклия, затемнив дорогу, а он склонил голову на бок и шел себе, слушая воркованье угревшегося за пазухой голубя.

Родина

П. Радимов

Видел я родину снова,
Зимние слушал печали.
Так же в ней скудно-сурово
Смотрят поляны и дали.

Те же дороги и вешки.
Галки все те же и сорока.
Заячий часты орешки
Возле гуменного тока.

Те же и псы пожилые
С хриплым, заливчатым лаем...
Где же вы, годы былые?
Вскормлен я этим ведь краем!

Помню почти с колыбели
Зори над полем оржаным,
Трав росяные постели,
Речку с прозрачным туманом.

Помню тропинку в лесочку
Всю в васильках, голубую.
Коршуна мертвую точку,
Помню мечту золотую

Юности ясной и вольной.
Есть ли что бедности краше?
С нею легко и безбожно
Счастье наше!

С. Аракелян (Армения) — „Дворик в Эривани“.

Бензин

Рассказ

Андор Габор

На мостовой, у самого тротуара, стоял большой, изящный автомобиль. Сразу видно было, что он только что выпущен из завода и что его внутренняя отделка не хуже внешней. В таких машинах подушки сиденья с одной стороны обычно обиты бархатом, а с другой — кожей. Когда неприличная часть внутрисидящего вдоволь насижится на бархате, к ее услугам кожа. И, наоборот, когда эта самая часть почувствовала усталость от кожи, она может размяться на бархате.

В таких машинах имеются маленькие электрические лампочки, при свете которых владелец, не имеющий времени глядеть по сторонам, может читать газеты и узнавать из них, что творится на белом свете. Разумеется, только те газеты, которые изображают мир таким, каким его угодно видеть сидящему в автомобиле. Если бы он соблаговолил выглянуть в окно, он, может быть, пришел бы к выводу, что газеты не совсем точны в своих описаниях.

В таких автомобилях справа и слева у окон приделаны вазочки для цветов, и в этих вазочках всегда свежие цветы. Имеется также дорожный несессер, а в нем хорошо закупоренный фляжок с одеколоном или иной душистой жидкостью. Такой автомобиль — штука вовсе непревзойденная.

На козлах восседал важный шоффер, каких не встретишь на городских автомобилях или такси. Они попадаются только на машинах, принадлежащих владельцам загородных вилл или поместий, и представляющих собой мициниарные, железнодорожные вагоны для людей, которые могут себе позволить роскошь не ездить первым классом. Ибо вагон первого класса все же связан с некоторыми неудобствами. Он не всегда может двинуться в путь, так как связан с расписанием поездов. А автомобиль едет, когда захочется (разумеется, его владельцу), он не принужден останавливаться на станциях и скорость его также всецело зависит от желания. Кроме того, таможенные чиновники и пограничная стража задерживают такие автомобили на несколько минут, ровно на столько, чтобы успеть засвидетельствовать свое почтение внутрисидящему. По всей вероятности, такие автомобили только для того и задерживают на границе, чтобы засвидетельствовать почтение внутрисидящему.

Шоффер, восседавший на козлах, вполне соответствовал своему автомобилю.

Его лица я не видел, только пушистую величественную доху. А она, как нельзя лучше, гармонировала со всем остальным.

Перед этим автомобилем и этим шоффером остановился какой-то оборванец.

Он был высок и тощ.

Можно было даже утверждать, что прическа у него не в образцовом порядке. О худобе его можно было только догадываться, так как на нем было нечего в роде верхнего. Но под этим верхним оборванец определенно не имел ничего на теле. Ноги его были во что-то завернуты, а башмаки, от которых сохранились только контуры, пытались скрыть пятерню пальцев. Нельзя сказать, чтобы эти башмачные контуры хорошо справлялись со своей задачей.

Оборванец почтительно поклонился шофферу и протянул ему какой-то предмет. Но шоффер не обратил на него внимания на неизвестного и продолжал попрежнему бесстрастно восседать на козлах.

— Добрый день, — повторил оборванец и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Мне нужно несколько капель бензина для этой штучки.

Он держал в руке зажигалку, зажигалку с фитилем, сработанную из патронной гильзы.

— Несколько капель, — уточнил он, — и тогда у меня хватит огня на неделю.

Шоффер, видимо, не слышал ни первой, ни последующей фразы. Но тот решил, что его не поняли и снова начал:

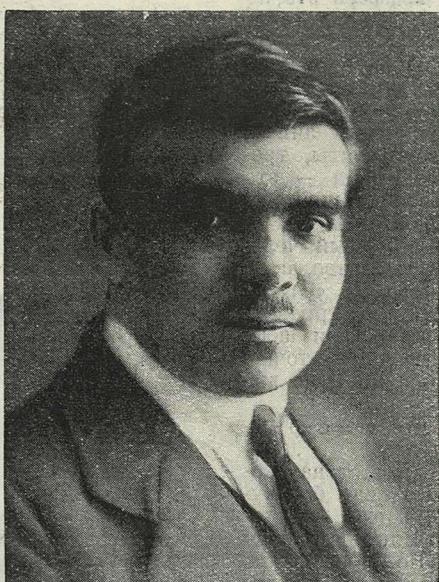
— Спичек теперь не купишь. Если подсчитать, то спички стоят теперь столько, сколько раньше стоили сигареты. И спички теперь неважные. Одна горит, другая не хочет. Головки отламываются. Потрещь спичку о коробку, она загорается, а головка отскакивает. Брошаешь ее вслед с трубкой. Иногда все же удается зажечь, если только головка на пути не потухнет.

Оборванец рассмеялся над собственной фантазией, что нужно бросаться с трубкой во рту за летающей спичечной головкой. А шоффер продолжал молчать.

— Бензин также дорог, — не унимался оборванец. — На бензин не раскошешься. Но всюду много автомобилей и в каждом из них уйма бензину. Всегда можно попросить несколько капель у господ шофферов. Это частоящий бензин! Он не только воняет, но и горит. Бензин, что продают в аптечном заладе, не всегда горит. Иногда он даже не имеет запаха бензина, а воняет вообще, так себе. Хотя его отпускают на граммы и дурят за него дьявольски дорого. А за бутылку плати особо. Я уже было запасся бутылкой, но, вероятно, забылся спать на чем-то твердом, и бутылка сломалась в кармане. Имей я бутылку, было бы лучше — господа шофферы наливают иногда полную бутылку, и получается запас на два-три месяца. А теперь приходится просить по несколько капель в зажигалку...

Шоффер даже поднял глаза, словно перед ним никого не

НОВЫЙ ПОЛПРЕД СССР В ЯПОНИИ

т. Трояновский

Александр Антонович Трояновский родился в 1882 г. в г. Туле. Окончил военное артиллерийское училище, а затем физико-математический факультет киевского университета.

В революционном движении принимает участие с 1902 г., а в РСДРП(б) вступил в 1904 году.

Последние четыре года был председателем правления Госторга РСФСР и одновременно членом коллегии сначала Наркомвнешторга, а затем Наркомторга.

10 ЛЕТ НАРКОМПРОСА

В Москве, в Большом зале консерватории состоялось торжественное заседание, посвященное десятилетию Народного комиссариата просвещения и одновременно — десятилетию пребывания на посту наркома тов. А. В. Луначарского. Представители научных, студенческих, учительских и артистов приветствовали наркома. К. С. Станиславский, возглавляющий делегацию театральных деятелей, преподнес А. В. Луначарскому художественно исполненный приветственный адрес с подписями артистов московских академических театров.

На снимке — К. С. Станиславский читает адрес.

было. Но оборванец решил, что ему не желают дать бензину. Тут могли быть разные причины и он попытался их устранил.

— Пусть явится хозяин, тоже не беда. Ведь он не рассердится, когда увидит, что дают три капли из его бензина. Что такое три капли по сравнению с тем, что расходует автомобиль за день? Не так ли? Пусть он скажет себе, что несколько капель пролито. Если небрежно наливать бензин в бак, то прольется гораздо больше, чем я потребляю за полгода. Да хозяин этого и не заметит. У него дела поважнее, чем считать бензин по каплям. Не так ли?

Быть может, оборванец и был прав, но шоффера это не интересовало. Он не слушал и того, что продолжал оборванец:

— Воровство? Смешно. Просто смешно назвать это воровством. Согласен, что бензин принадлежит не шофферу, а хозяину. И все же шоффер может отпустить несколько капель. Шоффер является, так сказать, доверенным лицом. Не только кассиры, но и шофферы занимают посты, требующие доверия. Резервуар — это касса и бензин — это деньги. Важно лишь, чтобы отчетность была в порядке! Кассир отчитывается так: «Я израсходовал столько-то по счетам и по вашему распоряжению. Пришел бедный человек и я ему дал столько-то». Он имеет на это право, если ему доверяют кассу. Шоффер тоже может сказать: «Столько бензину нам потребовалось до того места, а три капли я дал одному бедняку для его зажигалки». Если шофферу доверяют, он может об этом умолчать. Достаточно, если хозяин знает, что шоффер не продал бензин и не выпил его.

Оборванец засмеялся при мысли о том, что шоффер может пить бензин. Шоффер попрежнему был нем.

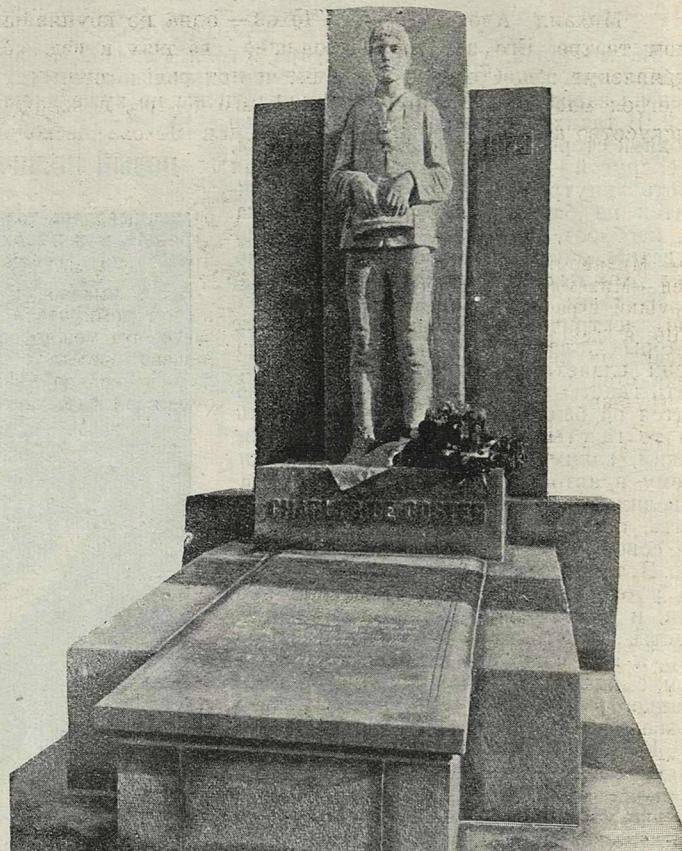
— Разумеется, можно сказать: когда не хватает на бензин или на спички, то не следует курить. Но ведь без куренья никак нельзя. В особенности теперь, когда ешь гораздо меньше, чем раньше. Когда я курю, то мне достаточно поесть один раз в сутки. Вполне хватит. Но если бы не табак, мне хотелось бы жрать весь день насовсем. Видите эту маленькую трубку? Она меня питает, я ее сосу как машину грудь. Набиваешь, зажигаешь, затягиваешь — и голода как не бывало. Табаку всегда сколько угодно, потому что господа бросают всюду окурки сигар и сигарет. Иной швырнет и полсигареты, а сигары редко кто докуривает до конца. Вот, если бы господа так бросали остатки своего обеда. Жаль, что они не на улице обедают.

Шоффера, видно, ничем нельзя было пронять, даже философскими размышлениями. За все время он не проронил ни звука.

— Быть может, вы сами остались без бензина? — спросил оборванец. — Так бы вы и сказали, — хрюнул он. — Не прикажете же вы мне жевать табак, если нечем зажечь трубку? Нет, нет, мой друг. Ни один шоффер меня не убедит в том, чтобы я набивал себе рот табаком. Во-первых, это нездоро. Во-вторых, от тех, кто жует табак, ужасно дурно пахнет. Можете меня обнюхать!

И оборванец двинул на шоффера. Тот повернулся в другую сторону, взялся за ручку и выскочил на мостовую.

ПАМЯТНИК де-КОСТЕРУ

В Икселе (предместье Брюсселя) 4 декабря открыт памятник Шарлю де-Костеру — автору «Легенды об Уллен-Шпигеле».

Потер ногу, встремился и, не спеша, направился в пивную на противоположной стороне улицы. Оборванец проводил его взглядом, посмотрел на зажигалку, причмокнул губами, сунул зажигалку в карман и буркнул:

— Эх, что ему стоило отлить малость!

И заревел вслед шофферу, исчезнувшему в дверях пивной:

— Таких шофферов мы посыпаем к чертовой бабушке! Отведя душу, он пошел искать другой автомобиль.

ПЕР. С НЕМЕЦКОГО Л. ВОЛЫНСКИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Э. Багрицкий

И вдали, на берегу широком
О песок ударила волна,
Ветер соль развеял ненароком,
Чайки раскричались дотемна...

Буду скучным я или не буду —
Все равно!

— Отныне я другой...
Мне матросская запела удалъ,
Мне трещал костер береговой...

Ранним утром
Я уйду с Дальницкой,
Дынь возьму и хлеба в узелке,
Я сегодня
Не поэт Багрицкий,
Я — матрос на греческом дубке...

Свежий ветер закипает брагой,
Сердце ударяет о ребро...
Обернется парусом бумага,
Укрепится мачтою перо...

Этой осенью я понял снова
Скуку поэтической нужды;
Не уйти от берега родного,
От павлиньей,
Радужной воды...

Только в море —
Бесшабашней пенье,
Только в море —
Мой разгул широк:
Подгоняй же, ветер вдохновенья,
На борт накренившийся дубок...

Кто услышал раковины пенье,
Бросит берег — и уйдет в туман;
Даст ему покой и вдохновенье
Окруженный ветром океан...

Кто увидел дым голубоватый,
Подымающийся над водой,
Тот пойдет дорогою проклятой,
Звонкою дорогою морской...

Так и я...
Мое перо писало
Ум выдумывал,
А голос пел;
Но осенняя пора настала,
И в деревьях ветер прошумел...

Путь актера

Из воспоминаний заслуженного артиста Республики

Мих. Алекс. Чехова

Михаил Александрович Чехов — одна из крупнейших фигур в современном театре. Его записи, выходящие на днях в изд. «Академия», несомненно, привлекут общественное внимание и историей личных переживаний выдающегося мастера сцены, и историей его театра, и изложением его взглядов на искусство актера. Мы приводим из книги Чехова несколько отрывков.

Детство

— Михаило! — так называл меня мой отец. — Михаило, иди грядки полоть! Все в игрушки играешь! Э-эх, маленький!

Но я действительно был маленький и никак не мог понять, за что укоряет меня отец и почему мне нельзя играть в игрушки.

— Бросай все, иди полоть!

Я слишком хорошо знал, что значит «полоть». Это значит — сидеть согнувшись между грядок несколько часов подряд, не разгибаясь, мучаясь от боли в спине и плача от бессильной злобы на отца за прерванную игру и за боль в спине и ногах. Физическим здоровьем в детстве я не отличался и был чрезмерно чувствителен ко всяким телесным страданиям. Но отца я боялся и возражать ему не мог. Отец никогда не бил меня и не этого я боялся в нем. Меня ужасала сила его глаз и его громовой голос.

Сам же отец не знал, что значит страх и препятствия. И ему, действительно, все покорялись. Его громадная воля и физическая сила производили неотразимое впечатление не только на одного меня. Я думаю, что он, сажая меня на несколько часов между грядками, не мог представить себе, что это может быть трудным занятием. Сам он полол по много часов подряд без видимого утомления.

Но я не только боялся отца, я уважал его и даже благоговел перед ним. Часто он, не взирая на мою молодость, излагал мне удивительно завлекательно и понятно все возможные философские учения сопоставляя и критикуя их. Я с восторгом слушал его рассказы. Эрудиция его была поистине удивительна: он великолепно ориентировался не только в вопросах философии, но и в медицине, естествознании, физике, химии, математике и т. д., владел несколькими языками и в 50-летнем возрасте, кажется, в 2—3 месяца, изучил финский язык.

Но... он был слишком большой оригиналом в жизни, и это помешало ему использовать свои знания и громадную жизненную энергию сколько-нибудь систематически и в каком-нибудь определенном направлении. Он органически не выносил ничего обычного, привычного, трафаретного. Он не мог, например, иметь одни карманные часы, как все люди. Он имел их 14 или 15, при этом часы не должны были оставаться в металлической оправе, как обыкновенно часы, — нет, оправа снималась с них и они обдевались тоненькими дощечками, тщательно и искусно пригнанными друг к другу. Стенные его часы были ужасны. Они состояли из пробок, прутьев, мха, дре-весных лишаев и пр., вместо гирь висели бутылки, наполненные водой, и рядом с ними стояли на полу великолепные высокие старинные часы из красного дерева, оставленные им в неприкосновенности, очевидно, из уважения к их возрасту.

Мука моя происходила оттого, что я привлекался почти ко всем новым изобретениям отца, в качестве его ближайшего со-трудника. Однажды мне было приказано большой палкой вертеть в бочке старые газеты, постепенно подливая в них воды и превращая их в густую кашу. Изобретение заключалось в том, что эта бумажная каша храбостью. Впрочем, моя болезнь приняла

раскладывалась толстым слоем на полу его кабинета и в высохшем виде должна была представлять собой род линолеума.

Здесь имелась в виду и дешевизна. Он не мог помириться с тем, что люди платят за то, что можно сделать самому и притом дешево. Работа с растиранием газет длилась несколько дней. Затем — размазывание бумажной каши по полу и, наконец, окраска ее в яркий красный цвет и... снова сдирание и соскабливание с пола треснувшего и покоробившегося «линолеума».

В перерывах между изобретениями я жадно играл, спешил и волновался.

У меня и сейчас еще осталось стремление как можно скорее сделать то, что мне нравится, что доставляет удовольствие. Мои игры были ограничены не только временем, но и пространством. Весь двор нашей дачи (мы жили за городом круглый год) был занят огородом и курятником. Куры были у отца самых разнообразных и необыкновенных пород, и такой нежной организации, что не переносили зимних холодов и доставляли много забот и волнений отцу. Отношения его с курами были так сложны и intimны, что их трудно было разгадать. Когда петух ухаживал не за той курицей, которую намечал для этой цели отец, то со двора раздавались крики и брань, петух удирал от отца, взывая о помощи, весь курятник приходил в возбуждение, и разгневанный отец удалялся к себе в кабинет. Когда же наступало время «заряжать инкубатор» (яйца высаживались, конечно, искусственным способом), то приходило в движение все население дома. Прислуга кипятила воду, брат носил эту воду в комнату с инкубатором, я следил за градусником и лампой, а отец раскладывал на сетку яйца, помечая на них числа, породы и пр. И когда через три недели выплывались цыплята, то мать моя и я должны были, изображая курицу-наседку, делать: «ти-ти-ти», ударяя пальцем по столу перед самым носом цыпленка, отец же изобретал в это время все возможные способы, опускаясь сверху на спинки всего большого семейства новорожденных цыплят, должны были имитировать для них пущистый животик наседки.

Несколько раз в год у меня было и счастливое время, когда я мог играть сколько мне было угодно — это было время отъездов отца. Впрочем, отец никогда не уезжал, он внезапно исчезал и через несколько дней после его отъезда мать получала письмо или краткую телеграмму: «Я в Крыму», «Я на Кавказе». Он любил путешествовать и умел это делать. Он никогда не брал с собой вещей. Через плечо перекинут небольшой баул от фотографического аппарата, в бауле немного белья и в руках палка — так исчезал отец из дома.

Мои игры всегда были страшны. Всюду вносились преувеличения. Если я строил домик из карт, то это был не домик, а колоссальная постройка, занимавшая почти целую комнату, ходили строились такой высоты, что если бы мне случилось упасть с них, то, вероятно, я не отдался бы только ушибами. Игра в пожарных также принимала грандиозные и опасные размеры. Но вместе с тем я далеко не отличался храбростью. Впрочем, моя болезнь приняла

Мих. Алекс. Чехов

впоследствии особые формы, и я скажу об этом дальше.

Радости были для меня исчезновения отца, но печальны его возвращения. Печальны потому, что отец возвращался больным. Он страдал тяжелыми, изнуряющими его физически и нравственно приступами запоя. Его исчезновения были мучительной борьбой с приближавшимися приступами. Его колоссальная воля задерживала наступление болезни надолго, но болезнь всегда побеждала его и он, сгорая от стыда и мучаясь за мать и за меня, с болью в голосе тихо говорил:

— Мать, пошли, милая, за пивом.

Мать никогда не возражала, и не уговаривала его, — она знала и видела, как мучился он сам. И тут судьба (а может, и он сам) подстутила над ним: он был автором книги на тему «Алкоголизм и борьба с ним». Известный в то время профессор О., лечащий алкоголиков гипнозом, много раз предлагал отцу свои услуги.

— Оставьте, голубчик, — с усмешкой отвечал отец, — ничего у вас не выйдет.

Но О. настаивал, и однажды отец согласился на опыт гипноза. Отец и О. сели друг против друга, и, если мне не изменяет память, О. быстро задремал под взглядом отца.

Первые дни своей болезни отец ходил по притонам и ночным чайным той дачной местности, где мы жили, беседовал с журликами, ворами и хулиганами, и раздавал им деньги. Популярность его в их кругу была очень велика. Они любили и уважали его. И не только за его деньги, но за те беседы, которые он вел с ними. Часто приходилось мне и матери слышать от проходивших мимо дачи местных хулиганов:

— Желаем здравствовать! Не беспокойтесь, вас не тронем!

И нас, действительно, никогда не трогали.

Говоря вообще, отец был настроен весьма революционно, но и это настроение выражалось в нем своеобразно. Он подавал, например, демонстративно на улице руку городовому, чтобы тем вызвать возмущение и негодование сильных мира сего, и к высокопоставленным лицам ездил в костюме, совершенно для этого неподходящем.

С наступлением болезни отца, моя душевная жизнь принимала несколько дней иной характер. С одной стороны, я страдал за отца и мать, с другой — радовался тому вниманию, которое оказывал мне отец и во время своей болезни. Он рассказывал мне много удивительных вещей, при чем рас-

сказы его становились неотразимо увлекательны. Вообще он умел писать и говорить просто, сильно, красочно, умно, завлекательно, и когда нужно — остроумно. Антон Павлович Чехов говорил про него: «Александр гораздо способнее меня, но он никогда ничего не сделает из своего таланта — его погубят болезни».

Часами просиживал я около отца и слушал его рассказы о звездном мире, о движении и строении планет, о знаках зодиака, и пр. Он знакомил меня со всевозможными явлениями и законами природы, иллюстрируя их самыми неожиданными и красочными примерами. Религиозных тем мы не затрагивали никогда, ибо отец мой был атеистом и мировоззрение его было материалистическим. Он привил мне любовь к знанию, но все мои попытки изучения философских систем или отдельных наук никогда не носили систематического характера и были не больше, как вспышками увлечения. Мне много приходилось и приходится страдать от неумения систематически работать. Почти все мои знания были усвоены быстро, спорастно, но поверхностно. И, только после пережитого мною разочарования в области театра, и после некоторых осложнений в душевной жизни, я впервые, хотя и поздно, начал понимать необходимость строгой, систематической работы в той области, которую действительно желаешь постигнуть. И, поскольку я прежде ценил в других то, что обычно называют «непосредственностью», «талантливостью» и т. д., посторонку теперь меня ужасает эта «талантливость», если она не хочет приобретать культуры, путем упорного, настойчивого труда...

Первые годы на сцене

...По окончании театральной школы, я поступил в Малый Суворинский театр, где и пробыл полтора года. Б. С. Глаголин принял во мне большое участие, и в первый же год я получил роль царя Федора и целый ряд других ролей. Впервые отец мой обратил на меня внимание, как на актера после представления «Царя Федора». После спектакля он похвалил меня и даже поцеловал.

Главным режиссером театра в то время был Арбатов. Его трудоспособность была поразительна. Он не только ставил пьесы в театре, преподавал в школе, и целями ночами работал у себя дома, но он успевал также пройти сложные и ответственные работы на стороне. Одной из таких его работ было создание цикла исторических спектаклей. Николай II пожелал познакомиться с этим циклом, и целый ряд спектаклей был организован в Царском Селе. Одна из зал дворца была превращена в сцену, на которой и происходили спектакли. Я помню, как нас, участников этого цикла, долго учили правилам поведения во дворце. Правил этих оказалось такое количество, что запомнить их не было никакой возможности. Мы были запуганы, растеряны и встреможены. Все правила и наставления, полученные нами от какого-то, специально приезжавшего для этой цели, генерала, были забыты как раз в то время, когда они нужны были больше всего, т. е. в присутствии самого царя, беседовавшего с нами после представления. Одна молодая актриса, делая реверанс, села на клавиши рояля, актер, не слышавший вопроса, обращенного к нему одним из членов царской фамилии, стремительно выскочил вперед с криком: «Что вы сказали?», нарушив этим тишину, царившую в комнате, а на вопрос царя — «Как вы приклеиваете нос?» — быстро снял его и почти крикнул: «А вот как, ваше величество!». Получилась неловкость, но царь не рассердился, и спросил меня, не хочу ли я на императорскую оценку. Я не сумел ответить, как следует,

за что меня потом часто укоряли товарищи. Николай протянул мне руку в белой перчатке, и я пожал ее, запачкав липкой мастихой, снятой с носа.

Часы пребывания на сцене были для меня истинным душевным отдыхом. На время я забывал свои гнетущие мысли и погружался в творческое состояние, целиком захватывавшее меня. Однажды мое обостренное первое состояние привело к неожиданному результату: это было в гастрольной поездке, которую совершила труппа Малого театра. В одном из городов, когда гастрольный спектакль приближался к концу, среди актеров распространился слух, что соседнее с театром здание горит. Я играл в этой пьесе китайца. Окончив свою роль, я вышел со сцены и увидел, что здание, стоявшее против театра, действительно пылает. Я испугался и бросился бежать по улице по направлению к вокзалу. Я бежал в гриме и костюме китайца, с развевающейся сзади косой. За мной гнался театральный портной.

— Господин Чехов, — кричал он, — хоть брючки отдайте!

Я, не останавливаясь, бежал все дальше. Наконец, портной стал догонять меня. Тогда я быстро остановился. Снял с себя широкие китайские шаровары и, оставил их на месте, побежал дальше. Актеры знали некоторые мои слабости и часто подшучивали надо мной. Впрочем, шутки их были почти всегда невинны...

Мастерство Б. С. Глаголина, как режиссера и актера, произвело на меня неотразимое впечатление. Когда я увидел его в роли Хлестакова, во мне произошел какоето сдвиг. Мне стало ясно, что Глаголин играет Хлестакова не так, как все, хотя я никогда и никого не видел в этой роли до Б. С. Глаголина. И это чувство «не так, как все» — возникло во мне без всяких сравнений и аналогий, непосредственно из самой игры Глаголина. Необычайная свобода и оригинальность его творчества в этой роли, поразили меня, и я не ошибся: действительно, так, как играл Хлестакова Глаголин, не играл еще никто. Когда позднее мне пришлось самому исполнять эту роль, я узнал в себе влияние Б. С. Глаголина. К. С. Станиславский, ставивший «Ревизора», вел меня в направлении, отчасти совпадавшем с тем, что жило во мне, как впечатление от Хлестакова — Глаголина.

Арбатов своими постановками научил меня ценить тонкость и четкость сценической работы. Под его влиянием я начал впервые ощущать, какую роль играет на сцене четкая форма. Правда, все его постановки были задуманы исключительно в плане натуралистическом и бытовом, т. е. в плане, по существу своему, не допускающем никакого стиля (а без стиля нет искусства), но тогда меня не волновали вопросы такого рода и я воспринимал в постановках Арбатова форму, как таковую. Арбатов любил и понимал форму. Иногда он приглашал меня к себе, и я мог наблюдать, как искусно и тонко создавал он свои прекрасные макеты. Вся обстановка его кабинета была сочетанием гармоничных форм. Форма лампы и форма стола — были в строгой гармонии, книжные шкафы, мебель, самые книги, все было гармонично, по форме и цвету. Он просиживал ночами за тонкой искусственной работой, отыскивая формы макетов, карточек для записи недельных занятий, рисунков для матерчатых переплетов и т. д.

Как жаль, что русские актеры, в большинстве своем, до сих пор еще мало любят и ценят форму. Правда, им трудно искать ее. Им не хватает специальной для этого подготовки. Что же касается театральных школ, то преподавание в них велось, да и теперь ведется, без всякого плана и системы. Преподавателями бывают прекрас-

ные актеры, но плохие теоретики по вопросам психологии актерского творчества. Они не заботятся о том, чтобы дать молодому актеру методы, при помощи которых он научился бы сознательно владеть своим творчеством. Обычно ученики имитируют своих преподавателей, но не получают от них знаний принципиального порядка.

Почему такую неотразимую силу имеет так называемая система Станиславского? Потому, что она дает молодому актеру на между практическими овладеть основными силами своей творческой души. Теми силами, которые являются обобщением всех частностей творческого процесса...

В МХАТ'е

Однажды во время гастролей московского Художественного театра меня послали к О. Л. Книппер-Чеховой, как к родственнице, с визитом. Я не знал себя держать в обществе выдающихся людей и просил освободить меня от этой тяжелой обязанности. Мои просьбы не привели ни к чему и я отправился с визитом. Меня одели получше и я явился к О. Л. Она приняла меня ласково и сделала вид, что не замечает моей неловкости. (Я, кажется, запечил ногой за ковер и удалился ложем о легонький, изящный столик). Разговор мучительно прерывался и я с тоской глядел на ее присущенный и лукавый глаз. Наконец, она спросила меня:

— Почему ты не хочешь перейти в наш театр?

Я изумился ее вопросу.

— Я не смею мечтать об этом, — ответил я ей искренно, и на этот раз без смущения. О. Л. засмеялась и сказала:

— Я поговорю о тебе с К. С. Станиславским — приходи сюда завтра.

Не помня себя, я выбежал от О. Л.

На другой день я снова был у нее. Меня принял Александр Леонидович Вишневский. Он расцеловал меня и сказал:

— А ты знаешь, что твой отец был меня?

— За что? — спросил я, не понимая, о чём идет речь.

А. Л. рассказал, что он учился в школе вместе с моим отцом и там они дрались, будучи одноклассниками. А. Л. произвел мне предварительное испытание, предложив прочитать сценки из «Царя Федора». На следующий день я должен был явиться в театр к самому К. С. Меня одели еще лучше, чем накануне. Воротничок был так узок, что я задыхался в нем. В театре меня встретил сам К. С. Увидев его величественную фигуру и седые волосы, я перестал что-либо соображать и чувствовать.

— Нам очень приятно иметь в театре племянника Антона Павловича, — сказал мне Константин Сергеевич.

В моем сознании неотступно звучало одно единственное слово: «Станиславский, Станиславский». Он был безмерно обаятелен и нежен. Я прошел по его приглашению в одно из фойе театра и сел рядом с ним на красном диване. Он задал мне ряд вопросов, на которые я отвечал меланхолически, почти не понимая их смысла.

— Ну, теперь прочтите мне что-нибудь из «Царя Федора», — сказал, наконец, Константин Сергеевич.

Мне вдруг захотелось убежать. Раздался треск, воротничок лопнул и краями впился мне в щеку. Я замер, вернее, умер! Еще минута и мне стало все все равно. Я прочел Константину Сергеевичу отрывок из «Царя Федора» и монолог Мармеладова. Константин Сергеевич сказал мне несколько ласковых слов и обнял, что я принят в Художественный театр. Он велел мне отправиться к Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко, чтобы договориться обо всех вопросах, связанных с поступлением в Художественный театр.

В эти же торжественные для меня дни К. С. пригласил меня к обеду. Я явился к нему в гостиницу, и застал там Ольгу Леонардовну, Марию Петровну Лилину и Василия Ивановича Качалова. Я был смущен до последней степени. Когда же увидел, что около пакрытых приборов лежат невиданные мною доселе ножички в вилки особого рода, я почувствовал себя окончательно несчастным человеком. Даже радость, рожденная во мне честолюбием, совершенно угасла. Я проделал за обедом труднейшую умственную работу, соображая, как и чем следовало есть поданные блюда.

В театре я был зачислен сразу в филиальное отделение. Это была переходная стадия между сотрудником и артистом труппы. В этом отделении были тогда: Б. М. Сушкин, Е. Б. Вахтангов, В. В. Готовцев, Г. М. Хмара и А. Д. Дикий.

Первыми моими ролями были: бессловесный актер и « оборванец » в сцене бунта в « Гамлете ». Никогда я не испытывал такого волнения, как при исполнении этих ролей. В качестве « оборванца » я с таким вдохновением был бутафорским топором по железной двери, что со стороны можно было подумать, что именно на мне держится весь спектакль. К. С. следил за моим актерским развитием и не мало времени уделил мне, знакомя меня с начатками своей « системы ». Вскоре он дал мне роль « Мишки » в « Провинциале » и сам занимался со мной этой ролью. В год моего поступления в театр ставился « Мнимый больной » Мольера. Я вместе с моими новыми товарищами участвовал в интермеди, изображая одного из докторов. Наша задача заключалась в том, чтобы быть смешными, и нам предоставили полную свободу в отыскании средств, которыми можно было бы насме-

нить публику. Задача эта увлекла всех. Мы изощрялись в изобретении смешных приемов речи, смешных интонаций и пр. Вся наша уборная и многие актеры из других уборных устроили тотализатор, ставя по 20 коп. на того, кто сегодня больше всех насмешит публику. Казалось, все средства были использованы. Наконец я изобрел заикающегося доктора. Актеры, ставившие на меня 20 коп., выиграли. На следующем спектакле на меня было сделано наибольшее число ставок. Я, заикаясь, произнес свои слова. Следующим говорил А. Д. Дикий. И вдруг мы услышали неясные и непонятные звуки. А. Д. Дикий собрал почти все, что было выдумано до сих пор в качестве комических приемов, и с необыкновенным темпераментом и быстрой, кашляя, чихая и заикаясь, произнес свои слова. Он побил рекорд и насмешил не только публику, но и всех нас, стоявших с ним вместе на сцене. Однако, после такого неожиданного выступления Дикого, нам было запрещено дальнейшее развитие своих ролей в этом направлении. К. С. боялся дальнейшего шага, которого можно было ожидать уже не иначе, как с большой тревогой.

В этом же году К. С. начал свои педагогические эксперименты с молодыми силами театра. Из этих экспериментов образовалась впоследствии 1-я студия МХАТ. Е. Б. Вахтангову было поручено заниматься с нами системой К. С. Увидев среди своих учеников и меня, Е. Б. сказал:

— С этим актером Малого театра я не буду заниматься.

Я огорчился, но не надолго, так как Е. Б. стал заниматься и со мной. Занятия вел сам Константин Сергеевич, Леопольд Антонович Сулержицкий и Евгений Багратионович Вахтангов. Упражнения и этюды

посили характер импровизаций. Работали и над инсценированными рассказами. В это же время Болеславский по своей инициативе, взялся за постановку « Гибели Надежды ». Работа была готова через несколько месяцев. Константин Сергеевич просмотрел работу, одобрил ее и предложил нам пригласить родных и знакомых, и показать им работу.

— Возьмите с них по рублю, — сказал он, — и вы окупите расходы.

Так мы и сделали. Это было первым нашим самостоятельным выступлением перед публикой, в то время, когда студии, как таковой, в сущности, еще не было.

Е. Б. Вахтангов

Е. Б. был знатоком « системы » К. С. На его занятиях система оживала и мы начинали понимать ее действенную силу. Педагогический гений Вахтангова творил в этом смысле чудеса. И, уча нас, Е. Б. сам развивался с необыкновенной быстрой.

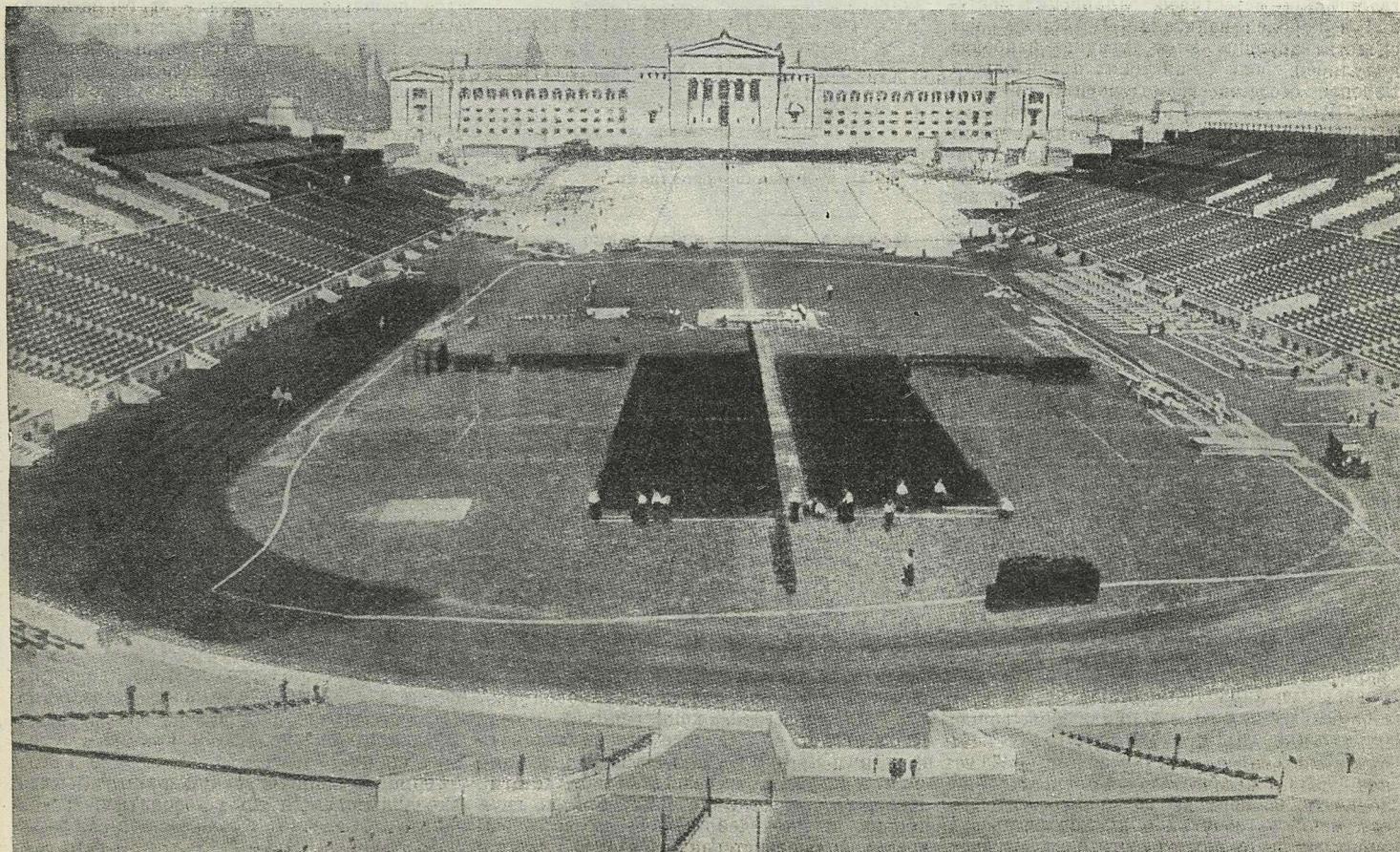
— Ты знаешь, — говорил он мне незадолго до смерти, — я могу теперь постичь любое театральное положение, любую сценическую идею так же легко, как взять с полки книгу.

И он, действительно, рождал свои театральные мысли буквально на наших глазах. Сами собой складывались афоризмы в его речи, когда он говорил о театре с нами или со своими студийными учениками.

Его режиссерский талант известен всем по его постановкам. Но это всего лишь одна сторона: другая заключалась в том, как проявлялся режиссерский гений Вахтангова в его работе с актерами во время процесса постановки пьесы.

(Продолжение следует)

ГРАНДИОЗНЫЙ СТАДИОН

Общий вид стадиона Солдджерс-Фильд в Чикаго, рассчитанного на 169 тыс. зрителей.

Один из фальшивомонетчиков, разыскиваемый германской полицией, — грузинский купец Корумидзе

Детердинг

Генеральный консул Болгарии в Дюссельдорфе Беккер, который находился в связи с фальшивомонетчиками

Украинский барон Штейгай, разыскиваемый в связи с фальшивыми червонцами

„Нефтяной Наполеон“, секретарь Распутина и с.-д. Церетели

Какая славная компания, не правда ли? «Нефтяной Наполеон», мистер Генри Детердинг — глава мирового нефтяного треста «Ройял Дек Шел» и один из вдохновителей политики твердолобых в Англии; отставной секретарь Распутина — Симанович и бывший министр Временного правительства, меньшевистский вождь в отставке — Церетели!

Все в своем роде знаменитые. Все как будто совершенно разные. Что могло обединить этих людей, как случилось, что их пуги сошлись и они подали друг другу руки, чтобы вместе дружно заняться... фабрикацией фальшивых червонцев?

Это одна из тех довольно грязных историй, которыми так богаты наши дни. Политические авантюры, шпионаж, фальшивки, подлоги никогда еще не процветали в Европе так, как теперь, сплетая в одну цепь тайную работу дипломатов, главштабов, детективов, банковских деятелей и королей капитала. «В борьбе все средства хороши». Этот лозунг наиболее популярен среди фашистских правительств Европы, особенно в отношении борьбы с СССР.

Как известно, первыми помощниками враждебных нам государств в осуществлении всех гнусных интриг против нашей страны являются наши отечественные белогвардейцы, от монархистов-распутинцев до меньшевиков и эсеров.

Многочисленны всем известные факты это неоднократно подтверждали. Шпионаж, организация взрывов, метание бомб, разгром наших торговых представительств, убийство наших полпредов, подделка фальшивых документов — это вещи, практикуемые давно, как система, в борьбе против СССР. Но на все эти дела нужны три вещи: деньги, деньги и деньги.

До сих пор предприятия этого рода субсидировались в иностранной валюте, главным образом, в английских фунтах. Но почему на это самое дело, дело подкопов под СССР, не употребить наш собственный червонец? Так сказать, червонец быть по червонцу. Или — червонец сам себя подрывает. Какая замечательная идея!

Неизвестно, в какой голове раньше возникла и родилась она. Не то ее родил «марксист» Церетели, не то дельцы и доверенные лица Детердинга, не то русские белогвардейцы, не то спекулянты-фальшивомонетчики из Будапешта, уже раз прошумевшие на весь мир подделкой тысячечек франковых билетов. Да это и неважно! Важно то, что именно на такой «платформе» сошлись грузинские националисты и меньшевики, русские белогвардейцы, вен-

герские и германские фашисты, и, взяв себе в крестные папаша Детердинга, решили преподнести советскому червонцу его пятилетнему юбилею подарочек в сумме 50 млн. рублей фальшивыми советскими банкнотами.

Вена, Париж, Лондон, Мюнхен, Будапешт — какой масштаб, какой размах! Первая партия фальшивых червонцев изготовлена в Будапеште. Первую партию готовых червонцев пробуют сбыть в Париже. Типография затем оборудована во Франкфурте. Сеть «представительств» для сбыта налажена во всех крупных центрах Европы. Как замечательно все организовано! Как гениально все предусмотрено!

Берлинский комиссар по уголовным делам Зоненбург, который открыл аферу с фальшивыми червонцами

И вдруг... в дело неожиданно вмешивается германская полиция. Фальшивомонетчики накрыты. При обыске найдено 24 центнера советских банкнот (75 пудов готовых червонцев). Началось следствие; сразу же нити потянулись к представителям Детердинга, с одной стороны, и «комитету освобождения Кавказа» и меньшевистскому грузинскому ЦК, с другой. Уже первоначальный следственный материал, опубликованный в германской прессе, рисует дело в следующем виде:

Летом 1926 года грузинский «комитет освобождения Кавказа» и грузинский ЦК меньшевиков вошли в контакт с немецкими фашистами-тевтонцами. Знаменитый генерал Гофман, свирепый враг СССР, проповедовавший крестовый поход против советов, взял на себя сосватать грузинских белогвардейцев с Детердингом.

Как известно, Детердинг, обеспокоенный выходом советской нефти на мировой рынок и серьезной конкуренцией этой нефти, ведет в последнее время бешенную кампанию против СССР во всем мире. Ставоство Гофмана оказалось весьма кстати. Детердинг вошел в контакт со всей грузинской белогвардейцей. Разговор шел об антибольшевистской работе, о субси-

диях со стороны Детердинга, о сдаче ему концессий на кавказскую нефть и марганец. Результат этих переговоров — 150.000 марок на фабрикацию и сбыт фальшивых червонцев.

После этого в дело были вовлечены русские, венгерские и германские белогвардейцы, целый ряд спекулянтов-фальшивомонетчиков, и работа закипела. Неожиданно дело пришло к благополучному «концу». В Париже арестованы бывший секретарь Распутина Симанович, князь Нестор Эристов, грузинский коммерсант Шоколашвили. Один из участников этой авантюры, инженер Бель, бежал и скрылся. Целый ряд участников арестован в Германии.

Как только эти аресты были произведены и началось следствие, необыкновенное волнение охватило министерство иностранных дел Англии. По сведениям немецкой газеты «Вельт ам Абенд», английское посольство требовало от германского министерства юрисдикции для Детердинга. Сам Детердинг выступил «с опровержением». «Моя нефть с краю, я ничего не знаю». Но отрекаться теперь, когда вся эта компания поймана с поличным, уже поздно. Близкая к полицейскому президиуму Берлина «Ахт Ур Абенблатт» писала, — по материалам следствия: «Финансирование организации по подделке червонцев явно производилось доверенным лицом Детердинга. Расследование обнаружило настолько веские данные, что предстоит возбуждение формального преследования против этого англичанина и других служащих представительства «Рейял Дек Шел» в Германии».

Сядут ли на скамью подсудимых все истинные виновники этой новой неслыханной провокации против СССР или они скроются за спиной «стрелочников», за спиной белогвардейской мелюзги, — во всяком случае, перед всем миром еще раз разоблачены те гнусные средства борьбы против нас, которые практикуются нашими врагами.

Авантюры, шпионаж, уголовщина, фальшивки — вот, что соединяет теперь меньшевистскую ЦК со всей белогвардейцей, с одной стороны, и с международной биржей и детективами, с другой.

Юбилейный подарок напему червонцу не состоялся. Те, кто жаждет «поражения Москвы», сами потерпели жесточайшее поражение, опозорив себя еще раз перед всем миром.

Германский полицейский участок — вот бесславный конец этой новой провокации против СССР.

м. о.

Сменя
хотят
хорвать
королеву!

В кладовых Госбанка

Очерк

И. Южный

— А вот здесь торговая сила нашего червонца! — широким и радостным жестом указывает тов. Малышев представителям персидского купечества, знакомящимся с аппаратом Госбанка, на бронированную, по типу несгораемых касс, дверь, через которую мы попадаем в кладовую, где хранятся золотые запасы Госбанка.

Ряды белых стальных шкафов. Сургучные печати.

— Какой шкаф угодно вам открыть? — спрашивает представитель банка.

Пломбы сорваны. Тяжелые двери раскрыты. На полках чинными рядами, скромно различаясь штампованным порядковым номером, лежат слитки чистого золота. Тридцать пять фунтов весит каждый небольшой, размером в пятиконечную булку, слиток. А рядом, в соседних шкафах, в мешках — золотые червонцы, те самые, что лишают сна Детердингов и вызывают злоб-

ный скрежет у — всех мастеров — врагов СССР.

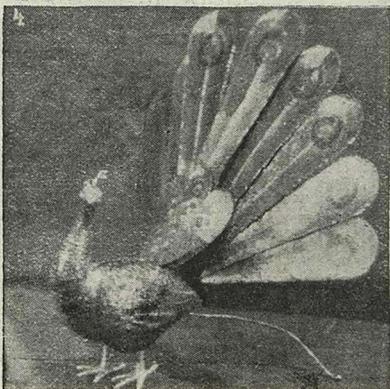
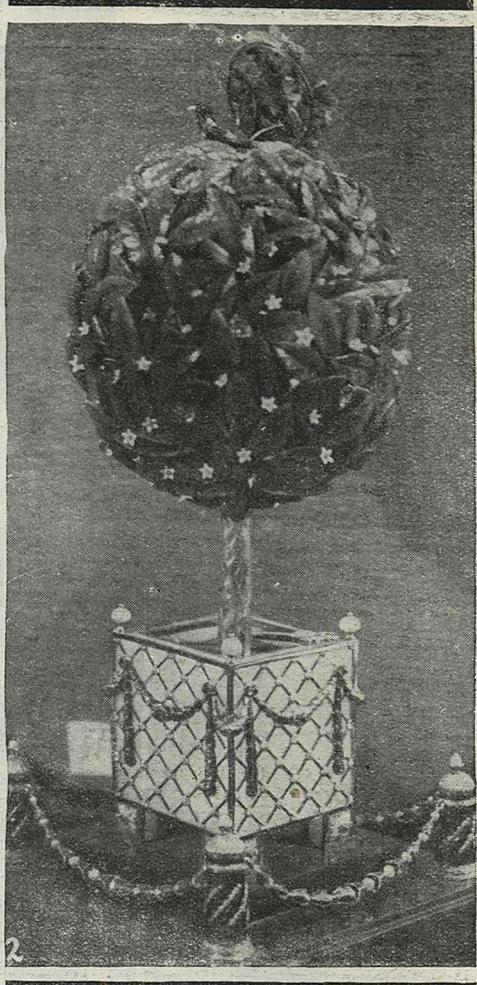
Служащие Госбанка открывают один из мешков и гостеприимно высыпают его содержимое на гладкий стол. Тысячи золотых кружочков образуют веселую блестящую горку, мы любовно перебираем червонцы и знаем, что это он — чудодей золотой червонец — залог нашего строительства, основа хозяйственного роста Советского Союза.

И потом — позже, когда мы крутой железной лесенкой взбираемся на второй этаж, где на столах, играя волшебными огнями, расположены драгоценности алмазного фонда, особо остро сознаешь, что и золото имеет «запах», что и оно несет на себе следы «хозяина», которому оно служит.

Там — вниз — золото только служебное орудие, только канал для товарообмена с капиталистическим миром, только неизбежный пока торговый помощник рабоче-крестьянского государства. И мы его собираем, копим, прозаически берем и даем, и столь же прозаически его ценим.

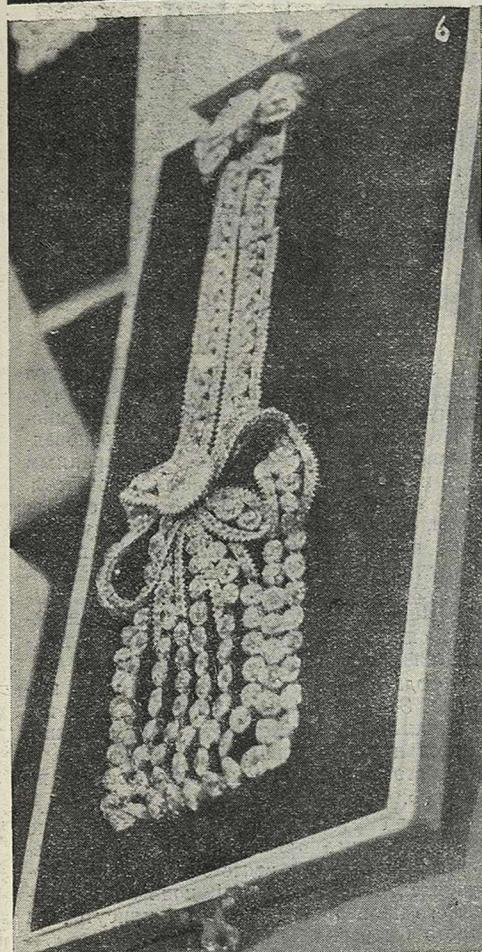
А здесь — на верху — море драгоценных камней, играя кровью страшных страниц истории российских царей, безмолвно рассказывает о том, что золото было для самодержца самоделью, роскошью, забавой, злой страстью, капризом, что это золото и эти камни, и эти чудеса ювелирного искусства, предназначенные для немногих, были созданы страданиями и муками многих.

«...Сего времени Екатерина перестала себя слишком приуждать, и в 14 лет

На снимках:

1. Ани Барбюс с короной в руках
2. Пасхальное яйцо «Колибри»
3. Андреевская — бриллиантовая лента
4. Павлин из золота, крытый эмалью
5. Золотой бинокль — подарок сultана Екатерине II

владычества высмотревши, что народ русский есть самый повадливый и нещекотливый, пустилась наслаждаться всем, без многих оглядок», — занес в свои «записки» капитан-армус лейб-гвардии Измайловского полка — Георгий Степанович Винский. («Мое время», «Русский архив», 1877 г.).

«Без многих оглядок» Екатерина не только полюбила бриллианты, но и играя в карты, стала расплачиваться вместо денег алмазами.

— Как весело играть в бриллианты. Это похоже на «тысячу и одну ночь»... — любила в этих случаях повторять Екатерина — «одна из тех политических случайностей на русском престоле, каких на нем так много перебывало в XVIII веке».

И именно с именем Екатерины связан знаменитый алмаз «Орлов», украшавший скипетр русских самодержцев и оцениваемый ныне в 64.000.000 руб.

194^{3/4} карата весит этот камень, служивший глазом идола в храме Брамы, принадлежавший потом шаху Надиру и, наконец, подаренный Г. Г. Орловым в знак примирения своей «покровительницы» в день ее именин.

Второй по величине и ценности алмаз — «Шах» (86 каратов) стоит по современной оценке 21.000.000 р.

А затем — бриллиантовые ордена, бриллиантовые эполеты, бриллиантовые лампады, украшения и пр. — вплоть до короны с ее 4.936 камнями, весом в 2.858 карат и ценностью в 104.000.000 рублей — все это принадлежало не народу, не государству, не стране, а мертвым грузом висело на шее народной, давя и удушаю ее.

И даже высоко художественные венцы, попадая во дворцы,

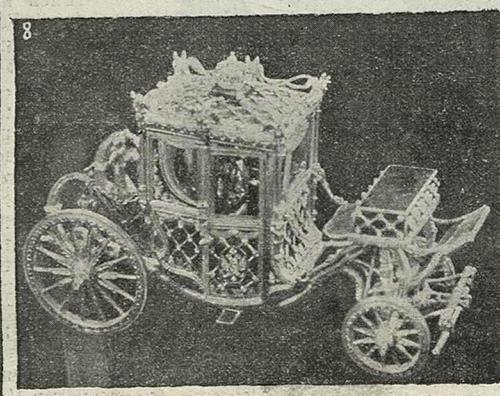
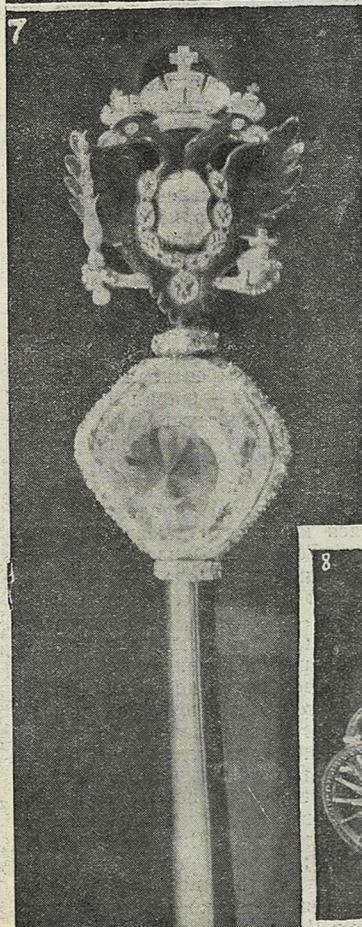
умирали, чахли и теряли свое назначение — радовать человека.

Среди серии пасхальных яиц, находящихся в алмазном фонде Республики, есть венцы, драгоценные не только своим алмазами и своим золотом. Вот яйцо из горного хрусталя, покрытое «снегом» из платины и заключающее замечательно сработанный из горных пород подснежник. Вот — литьй из золота павлин, крытый зеленою эмалью и заключенный в богатой отделке яичевидное стекло. Еще больше искусства в яйце «Колибри», работы Фаберже. Птичка — «с неготок», окрашенная во все натуральные цвета колибри, натурально поет. Но кто это видел, кто об этом знал, кто «удостановался»?

Сейчас многочисленным экскурсиям открыт доступ к осмотру алмазного фонда. Для нас он — произведение искусства, собственность масс и государственная ценность — одно из мощных подсобных средств строительства Социалистической Республики.

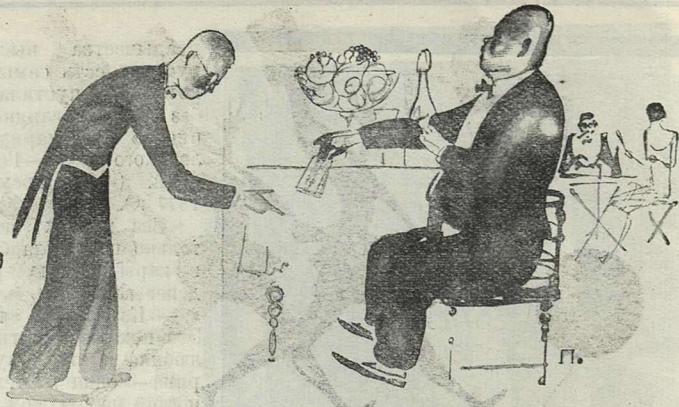
НА СНИМКАХ:
 6. Эполет временника Екатерины
 7. Алмаз «Орлов»
 8. Модель коронационной кареты, сделанная из золота. На снимке — натуральная величина
 9. Персидские кунцы и тов. Малышев у слитков золота
 10. Яйцо из горного хрусталя

желтая БОГЕМА

Очерк

Борис Зильберт

Вечером Париж гудит, как миллионноголосый паровоз. Электровитрины — зрачки парижской ночи. Вам показывают наизнанку тело и душу этого мирового гиганта. Смотрите, восхищайтесь, щупайте глазами, покупайте!

Монмартр.

В передней комнате кабачка «Ша-Нуар» сидело несколько человек. Они скучно тынули какой-то напиток и молчали.

— Это иностранцы, — презрительно заметил мой гид. — Они не умеют ни пить, ни творить. Это американские коллекционеры, раскупающие нашу душу по частям. — И тут же резко прибавил: — Никто не умеет так веселиться, как творческий Париж.

Спустились этажем ниже. Подвальная комната обита цветной дешевой матерью. Лампочки декорированы причудливыми тканями. У прилавка толстяк хозяин. Большая непропорциональная голова захата венком-обручем, а на лоб свисает маленькая электролампочка в форме винного бочонка.

Богема желтой прессы.

Доминирующее место занимают синерубашечники из редакции «Круа», «Аксон Франсез» и репортеры «Матен» и «Фигаро».

«Круа», или как ее называют «листок колдунов», поражает своим старушечным беззубым ворчанием. Это газетка средневековых мертвцев, где поиздиряются идеи костров для еретиков. Говорят, что матеры, снабжающие ее субсидиями, подают ассигнации в перчатках, до того она им самим противна. Ее сотрудники — это анаши от культуры, идущие на всякое «мокро» дело за франк.

«Аксон Франсез» — здесь монархические мальчики за очень недорогую плату кричат «ура» игрушечному императору Ротшильд когда-то сказал, что эта газетка служит большой забавой для Франции, а потому он ей ежегодно жертвует три тысячи франков на расходы «императорского балла». Там нечего делать ни журналистам, ни репортерам. Но за хорошее слово в честь императора (пусть уже давно сгинувшего) им выдают цветные жилетки, пестрые галстуки и немного франков.

Ответственный делец одной газеты. Его голова как-будто посажена на какой-то дешевый винтик. Странно неустойчивая. Он не пьян. Это его манера менять позы и выражение лица. Он умеет стибаться так, чтобы казаться на полметра ниже своей натуральной величины. Говорят, что в его газете все оплачено, даже некролог. Об этом заботятся работники похоронных бюро, которые по его рекомендации состоят членами кружков богемы. Газетка, накрашенная и напудренная, идет по рукам, как дешевая сенсация из

варьетэ. Она читается под аккомпанемент ночного гула и здесь же выплевывается в мусорные урны.

Кабачек «Глаза Кролика».

Этот бастион веселящегося Парижа закреплен за католической богемой. (Она авторитетна и популярна среди французского мещанства.) Это — патриоты Запада. Христос окончательно закрепил будущее за Западом. Нужна плотина против неверующего Востока: оттуда движется сатана со щупальцами на Сорбонну, Лувр, Ватикан.

Кабачек в стиле дрезденских костелов. Глубоки своды уточняют в дыму. Из новых картин — только фанатик-экспрессионист Мейдлер на стене. Музыка заменяет орган.

Глаза у всех застыли, как будто вставленные куски парижского серого камня. Ресницы — привыкшие обращаться к небу, как за гонораром, так и за советом.

Иногда здесь можно встретить тучных служителей церкви. Они по-штатски галантно одеты, но по губам, глазам и рукам видно, что это «святые отцы». Они по-иному пьют, по-иному ласкаются, по-иному разглядывают дочерей дьявола, когда последние задирают ножки в священном танце «Аве Мария». По бокам длинного зала кабачка расположены небольшие комнаты-клетки. Их называют «исповедальни».

Здесь иначе выражают радость, веселье, — даже скандалы здесь своеобразно нарезают и ликвидируются.

Недавно был случай, когда кто-то в пылу дьявольского наваждения окутал плечи возлюбленной папской энцикликой. Это произвело большое впечатление. Суд богемы был краток и суров. Оба изгнаны из рая на три месяца.

В этом вертепе иногда дискутируются перспективы католицизма. Здесь был выдвинут вопрос о замене иностранных миссионеров в Китае — китайскими проповедниками. Политическое чутье! Иностранным слугам боязлив придется эвакуироваться. Надо подготовить кадр китайских святых отцов, подданных Ватикана. А к будущему мира подход примитивный: великий суд грядет, ангелы будут снабжены химизированной арматурой, а потому — единение с химпромышленностью обязательно. Химические синдикаты, их представители принимаются этой богемой очень радушно.

Отсюда пьяные толпы с песнями не выходят. Это компрометирует. Здесь имеются отдельные помещения для отлеживания, похмелья и вытрезвления.

У католической богемы дело поставлено солидно.

Недавно торжественно отпраздновано было последнее примирение папы с культурой: назначение святого Маврикия по-какому-то случаю папским архитектором и покровителем авто и аэро. Канонизация авто-святого произошла в кабачке в присутствии самого Ситрона.

В Латинском квартале «пряный цветок». Здесь богема по-своему переживает смычку Запада с Востоком.

Комната в персидском стиле. Ковры и тишина. Ориенты со стихами бессмертного Омар Хайяма.

Большое напряженное ожидание. Длинные трубы и анжуйское вино. Дервиши имитируют экстаз. Раскаленные звуки. Пляска вдохновения... А в перерывах территории ковров занимается совершенно обнаженными персиянками. Они иллюстрируют влияние западной культуры на исламский восток: танго, шимми, даже тутен.

Комната глубже — Китай. В углу задрапированная стена. Орудия пыток — шприц и трубка. Оголяются волосатые руки талантов и вбирают яд морфия. А на драконах-циновках уже дремлют друзья опиума.

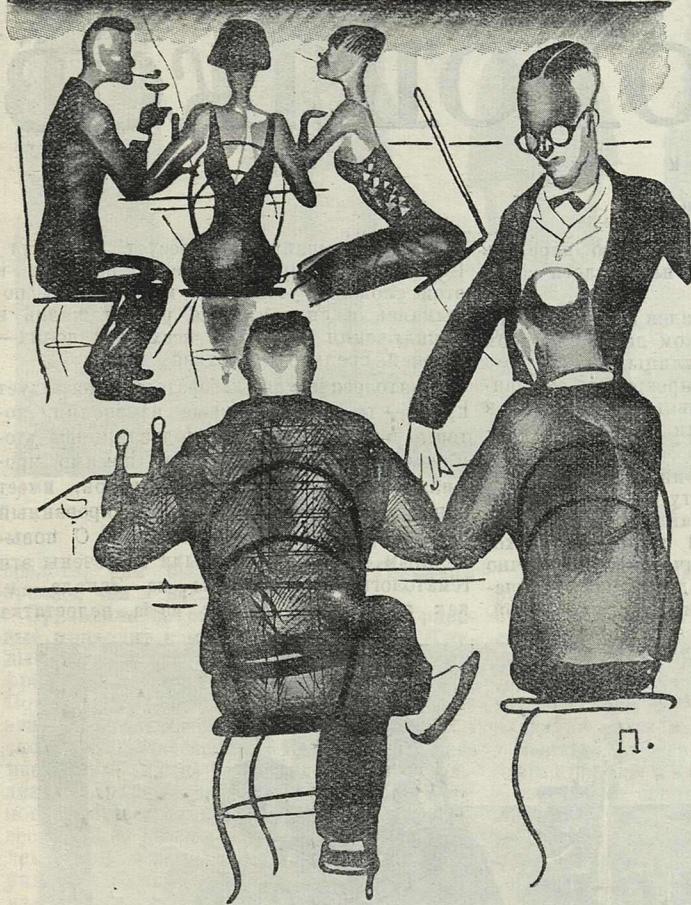
Запад, как на киноленте, отказался на десять тысяч километров. Восток победил. Син Ху-то — победитель. Когда ему очень хочется поглумиться над культурой Сорбонной, он длинным желтым ноттем мизинца царапает лицо профессора-писателя Ж.

Я здесь видел нескольких сюрреалистов. Анархистичных по выкрикам и импотентных по существу. Они пробуждались от тяжелых затяжек и выпрямляли скрюченные носы. Широкие умротворяющие зевки после «снов дракона». Они были очень жалки и очень жалты.

Син Ху-то предложил им умыться и поскорей уйти, так как в Париже большая очередь на восточные наслаждения.

Уже дремлют друзья опиума..

... разглядывают дочерей дьявола...

— Сюда ходят очень большие люди, — сказал мне Син Ху-то. — Покурят, попишут, умоются и уйдут. — Когда Син Ху-то хотел закрыть свой «Китай» и уехать к жене в Чиifu, тогда сотрудники нескольких редакций купили ему вскладчину дорогой китайский халат с вышивкой «Восток не забывает».

По глазам Син Ху-то катился шарик презрения к культуртрегерам, засыпающим после двух затяжек: «Расслабленная труха», — прошипел он на своем шанхайском наречии и тихо мне шепнул: «Мой сын на фронте революции». Как бы хотел этим искупить позорную работу по обслуживанию парижской трухи.

Кабачек «Голубой Луч» — биржа. Это западный базар работников пера. Сохранины все принципы восточных. Покупка, продажа и даже обмен. Сюда заходят представители «фирм», которые сами леют в обятия репортеров: «Напиши о нас, уплотим».

Они больше не пишут: или потому, что не пишется, а может быть, и по другим причинам. Но вы ежегодно увидите новые романы этих авторов.

Все знают, что не пишут, а продукция идет.

Тайну раскрывает «Голубой Луч». Молодой писатель написал роман. Связей нет. Денег для издания тоже нет. Что делать? Апри — советчик творцов. Покупает знаменитое имя за 70 процентов гонорара. Этих «знаменитостей» так и называют — «крестными отцами». Эти

«отцы» не теряют ни своего авторитета, ни своего положения. Это нормально. Есть же целая группа таких маслых имен. Один молодой поэт сказал о них, что они могут уже организовать свой орден и свое кладбище. В орден наберется несколько десятков членов, а на кладбище — сотни самоубийц — дело их рук, этих губителей молодых ярчайших талантов.

После двенадцати, когда деловая часть выполнена, в «Луче» начинается программа веселья.

В эти часы жизнь здесь обнажена, как полоса продажной газетки. Разворнута цинично во-всю. Главное, чтобы монтаж и верстка были на должной высоте...

Он работает на пра-
вах Альфонса сотруд-
ников печати. Он
часто заочно заклю-
чает договора, услы-
хивается не только
о цене, но и о стиле,
темпераменте, языке
статьи.

Апри деловит, умен-
и, по-моему, даже
галантлив. Он чуток
к «общественному
мнению». Знаком с
подноготной многих
салонов и своим
репортерам раздает
ключи от таких мест,
куда другим вход
абсолютно недосту-
пен.

В этом же ярком
«Луче» происходит и
еще один своеобраз-
ный метод торга.

Имеется много пи-
сателей, уже оты-
хающих на лаврах.

«отцы» не теряют ни своего авторитета, ни
своего положения. Это нормально. Есть
же целая группа таких маслых имен.
Один молодой поэт сказал о них, что они
могут уже организовать свой орден и свое
кладбище. В орден наберется несколько
десятков членов, а на кладбище — сотни
самоубийц — дело их рук, этих губителей
молодых ярчайших талантов.

После двенадцати, когда деловая часть
выполнена, в «Луче» начинается программа
веселья.

В эти часы жизнь здесь обнажена, как
полоса продажной газетки. Разворнута цин-
ично во-всю. Главное, чтобы монтаж и
верстка были на должной высоте...

«Ан Руж» — там более дорогой стиль.
Здесь — продающиеся журналисты выс-
шей марки.

Здесь люди боятся. Боятся всего — вы-
рождения нации, будущих войн, правой и
левой активности, судорог франка и каби-
нета. Хотите пережить панику — ступайте
в «Ан Руж».

Сюда приходит напуганный мировыми
потрясениями панический мозг Парижа и
устраивает массовую истерику. Страна вырождается. Грозное напоминание — ку-
колки в петлицах — не помогает. Каждый
месяц смертность больше рождаемости.
Обсуждается статья об импорте чернокожих — пусть оплодотворят. Но велика
опасность через несколько десятилетий
потерять чистоту расы. Превратиться в
страну мулатов.

Тонким вином заливается горе нации,
охмелеющий профессор слезливее репорте-
ра, и тянется вой к оголенным плечам сте-
нографисток, поэтесс и натуриц. Они от-
дают свои плечи под слезы людей науки
и искусства.

А потом вскоре поспевает джаз-банд,
заглушающий шаги судьбы.

... вскоре поспевает джаз-банд...

УНИВЕРСИТЕТ

ЗДОРОВЯКОВ

0 ч е р к

Л. Славин

Это, пожалуй, единственный ВУЗ, где, кроме истории классовой борьбы, изучают историю французской борьбы, где с высокими общественными идеалами соединяют точное знание бокса, откуда выходят люди, с равным искусством владеющие диалектическими методом и рапирой.

Это единственный ВУЗ, где не встретишь студента в очках, с папироской, где для студентов установлена обязательная единная форма. Правда, очень несложная: трусы.

Это единственный ВУЗ, где поступающих осматривают снаружи. Здесь экзаменуют не только по математике, но и по сердцу, по желудку, по легким, по силе, по ловкости—будь вы мужчина или женщина, все равно. Бином Ньютона здесь приравнивается к пупочной грыже. Сдавши словесность, извольте на десятиметровой дистанции, попасть мячом в цель 10 раз подряд сначала правой рукой, а потом левой. Доказав свои знания в политической экономии, вы переходите к прыжкам с разбега и с места в высоту и в длину, и если вы прыгнете вместо 100 на 99 сантиметров, то извините, но вы провалились на экзаменах в этот единственный ВУЗ, который называется Государственный Центральный Институт Физической Культуры. После четырех лет отсюда выходят люди, безошибочно владеющие своим здоровьем и уме-

ющие это прекрасное искусство передать другим, ученые атлеты или атлетические ученые, как угодно.

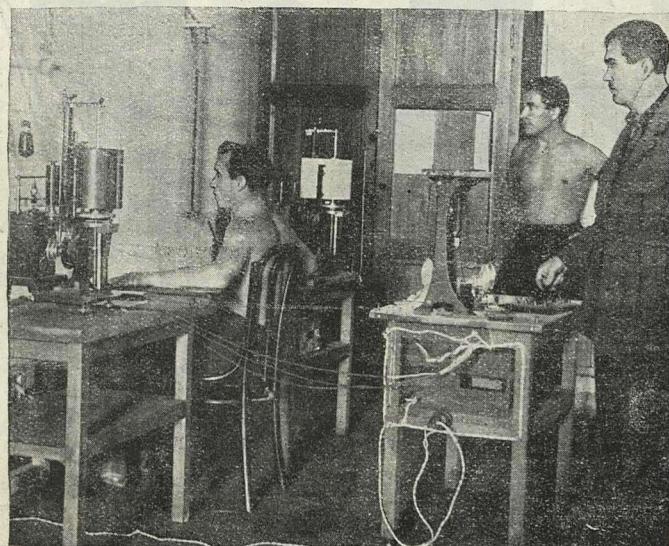
Инфизкульт расположился в огромном, немного мрачном Юсуповском дворце в одном из изгибов Горюховской улицы. Немало труда понадобилось, чтобы превратить его танцевальные залы и стильные интерьеры в гимнастические аудитории и научные кабинеты.

Два десятка лабораторий составляют научный инвентарь Института. Часть машин и аппаратов не представляет ничего необычного: рентгеновский кабинет, психотехнический, кардиологический. Необычно только их применение: дозировка физических упражнений, лечение физкультурой, теория утренней гимнастики и пр.

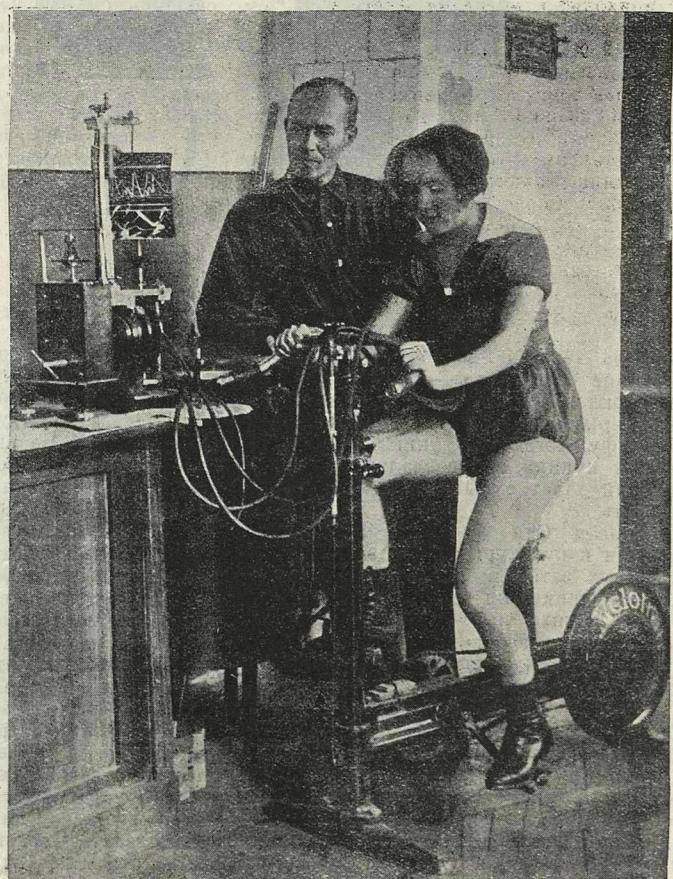
Другая часть научных приборов во все необычна. Например, аппарат для исследования дыхания, сконструированный д-ром Смирновым, членом и председателем «дыхательной комиссии». (Методика постановки правильного дыхания во-

обще чрезвычайно интересует Институт.) Испытуемый присоединяется ремнями к этой сложной установке, и грудь его, подымаясь и спадая, сама рисует жизнь и приключения легких во всех трех долях— нижней, средней и верхней.

Гематологическая лаборатория исследует кровь—те поразительные изменения, которые в ней происходят под влиянием утомляемости. Каждый студент помимо профиля, отпущенного ему природой, имеет «профиль утомления», зафиксированный лабораторией в точных цифрах. С повышенным любопытством были встречены эти гематологические работы на Западе—и, как это часто бывает из-за недостатка

Исследование быстроты реакции на действие света

Велотрап — прибор для исследования утомляемости велосипедистов

Упражнения с булавами

средств, они были изданы в Германии прежде, чем у нас...

Признание со стороны Европы не впервые приходит к молодому Институту. Труды его поспешно переводятся на немецкий, французский, шведский и чешский языки. Подбор языков не случаен. Каждая из этих стран славится старинной популярной системой физкультуры. Инфизкульт произвел над ними род качественного анализа. Остальные элементы их вошли в эту новую универсальную систему, которая известна под именем «Единая система пролетарской физкультуры». Юная (сверстница революции), она с охотой принимается заграницыми рабочими спортивными организациями. Ее лозунг — «Физкультура — 24 часа в сутки».

Есть немало людей, у которых этот лозунг вызывает неумеренно веселое настроение. Их скептицизм, покоящийся на несокрушимом невежестве, не верит в такую физкультуру: «Позвольте, а спать когда?»

Но разве вы умеете спать? Уверены ли вы также в своем умении пользоваться солнцем, воздухом, сном, водой, трудом и отдыхом?

Вызвать из пренебрежения естественные блага природы и научить ими пользоваться — составляет сердцевину советской системы физкультуры. Почему бы, в самом деле, вам не прожить свой человеческий век без гемороя, малокровия, одышки и неврастении!

При Институте есть годичные курсы по подготовке врачей-физкультурников. Интересно, что при приеме к ним предъявляются же требования повышенного физического

состояния. В докладе Инфизкульта наркомату здравоохранения мы встречаем пейзажное указание:

«Даже к врачам — Институт стоит на той позиции, что он должен готовить людей дела, умеющих на личном примере доказать то, что они должны будут проповедовать массам».

Инфизкульт мечтает о пятигодичном курсе. Учебная программа молодой быстро развивающейся науки вышивает за рамки четырех лет. Тем более, что потребность в высококвалифицированных инструкторах растет непрестанно. В этой вспыхнувшей тяге страны к физкультуре немалую роль сыграли полторы тысячи здоровяков, которых выпустил за время своего существования Институт на Гороховской улице.

МОЙ ДЕД

Владимир Василенко

Мой дед-казак жил девяносто лет,
Запоем пил, на мир косился волком,
Но промышлял цветами, медом, шелком
И был в душе едва ли не поэт.
О, сколько раз меня бросало в рев!
Разбойство дедово, тычки и макароны!
Но помню сад и тутовых дерев
Прохладные развесистые кроны.
Листва зеленая, ты будешь сожрана
Старателем и жадным шелкопрядом

И возродишься вновь в отрезах полотна,
И снова прошумишь девическим нарядом!
В спокойный день, июльскую порой
Снимают ягоду на чистые рогожи,
И дед любуется веселой детьми,
Сияющий, как этот день погожий...
В шуршания шелков теперь я слышузык
Веселой юности. Мальчишка-непоседа,
С нежданной нежностью я вспоминаю деда,
И шелковицы вкус щекочет мне языки.

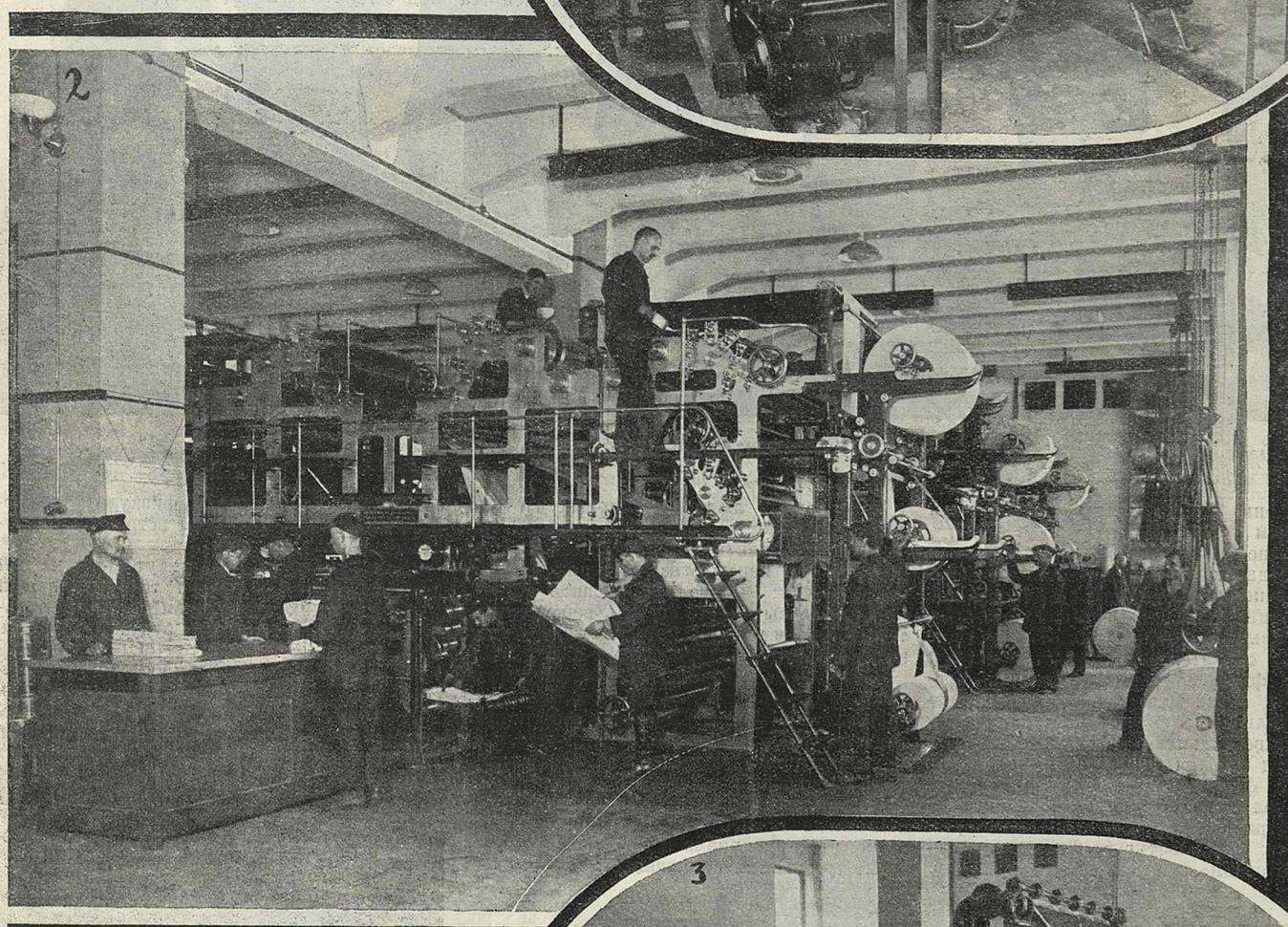
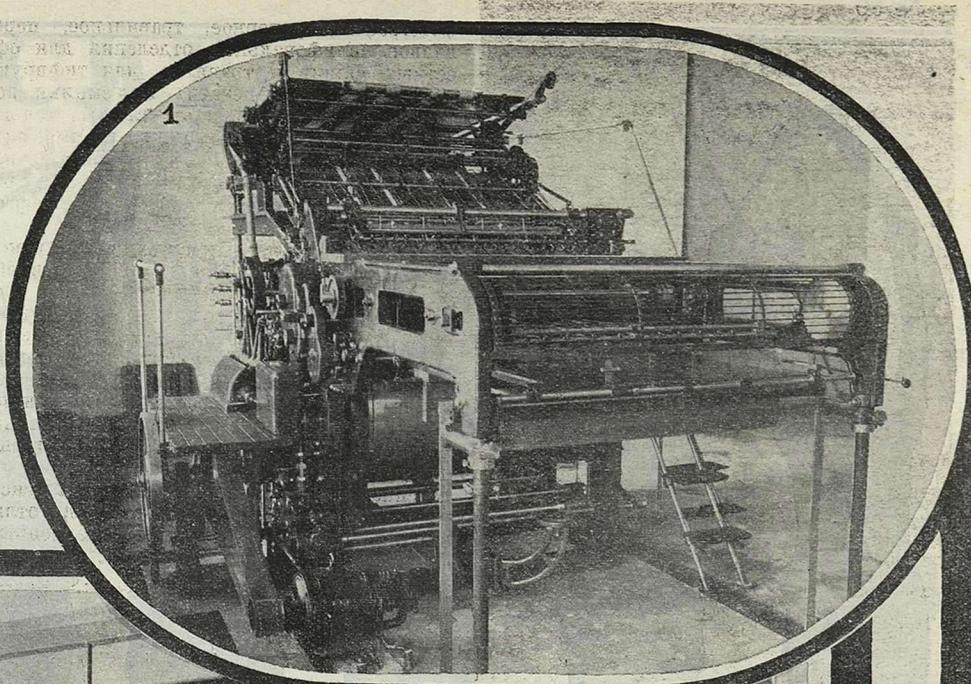
Там, где печатаются

«Известия»

Вечером, в темноте, над сутолокой Страстной площади, фосфорически-светясь, повисают огненные буквы:

— ИЗВЕСТИЯ
— ЦИК СССР и ВЦИК.

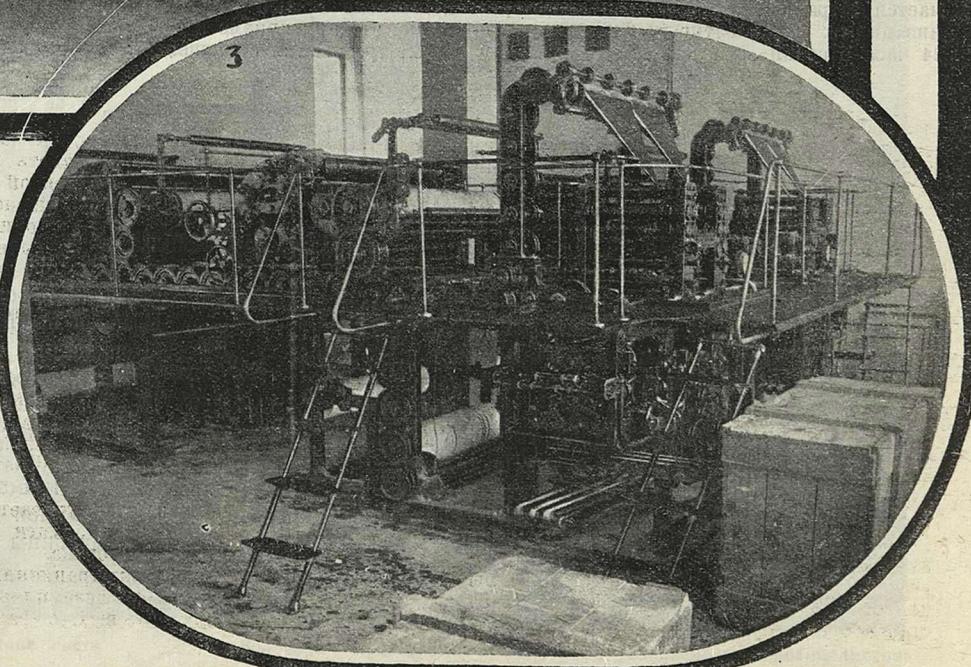
Кружевной сетью трепещет падающий снег, на миг произываемый движущимися прожекторами автомобилей. Хрипл, звяня, вспыхивая конвульсивными зелеными огнями, ползут трамваи. Цокот конских подков отчелив и сух, как каштаньеты. Во всех направлениях режет площадь вечно спешащая московская толпа. Огненная надпись и светящийся квадратный циферблат висят неподвижно, точно наклеены на черный бархат. Недавно вырос, напротив ста-

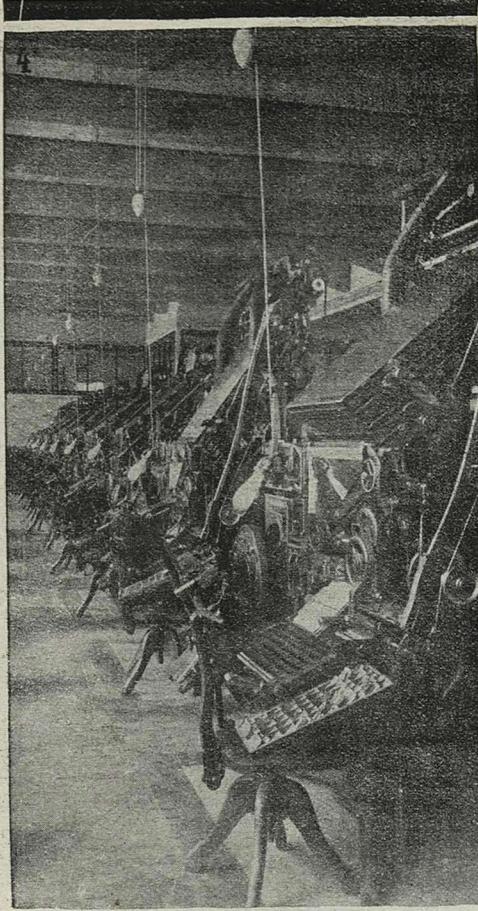

1) Машина «Офсет». 2) Ротационная машина. 3) Иллюстрационная ротационная машина.

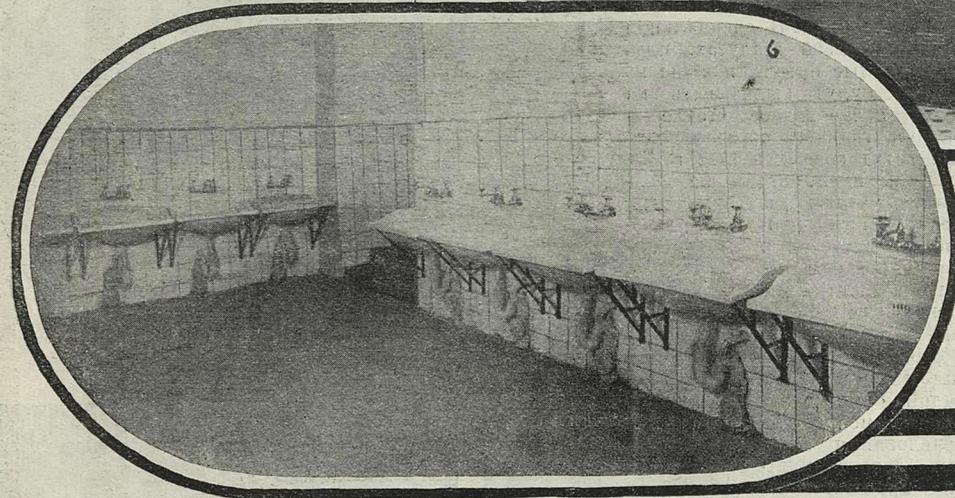
рой, облезлой колокольни монастыря, этот стройный, шестнадцатый дом. Наравне с Институтом Ленина, Госторгом, Центральным телеграфом, здание «Известий ЦИК» — одно из лучших архитектурных украшений новой Москвы, выдержанное в форме новой, рационалистической архитектуры, эффектное своей строгой, холдинговой красотой. Стекло и бетон. Стекло в тонкой железо-бетонной прослойке.

Увеличивающийся рост тиража, переваливший за полмиллиона экземпляров, вынудил редакцию «Известий» позаботиться о постройке собственной типографии. Старая не успевала выбросить своевременно нужное количество экземпляров. Читатель не всегда во-время получал газету. И вот, по образцу американских газет, «Известия»

4) Линотипное отделение. 5) Раздевальня для рабочих типографии.
6) Умывальники. 7) Душ для рабочих.

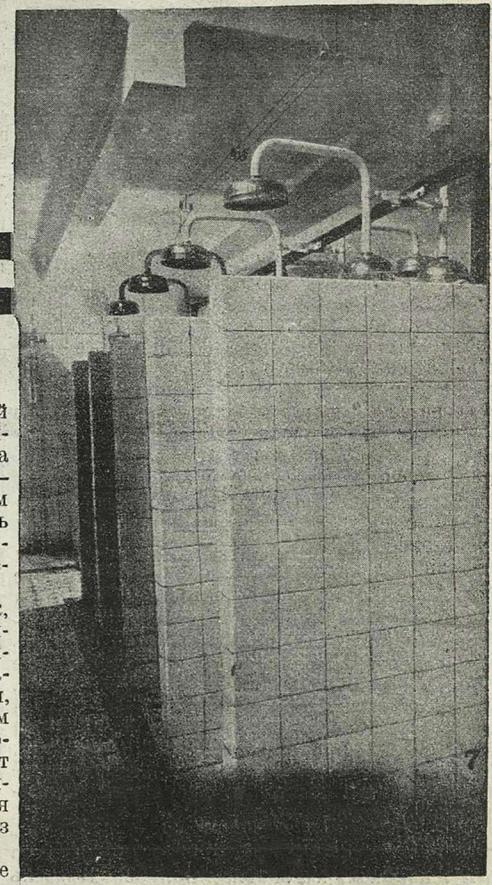
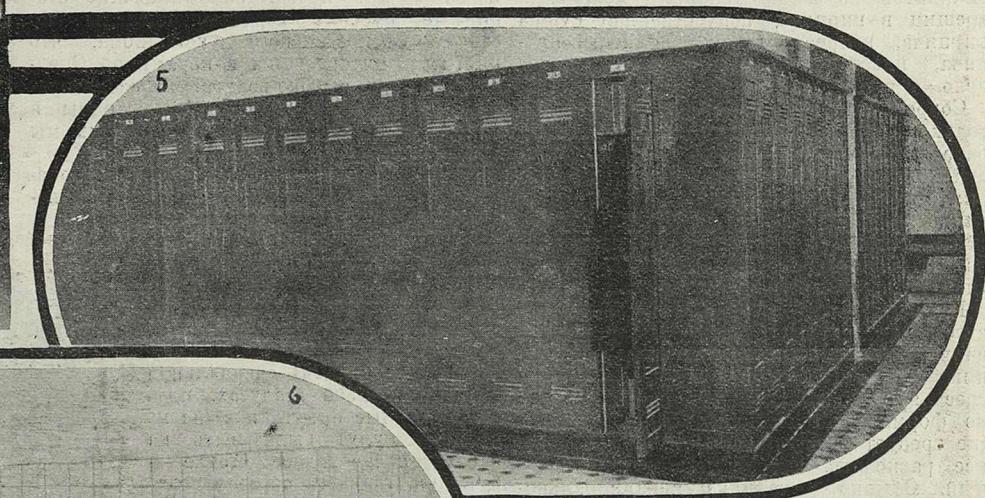
фотография, граверное, травильное, переводное, шлифовальное, отделения для офсетных машин и травилька для тифдрука (способ глубокой печати). Подъемники подают в экспедицию кипы газеты, только что вышедшие из-под машины. Сама экспедиция, рассылающая газеты по назначению, находится во втором этаже. На третьем этаже находится наборное и стереотипное отделения.

В наборной длинным строем вытянулись десять линотипов, одной из совершеннейших машин, изобретенных человеком. Непрерывный треск, похожий на шум ливня, стоит тут. Медленно передвигаются рычаги, и ярко освещенные руки наборщиков бегают по клавиатуре. Нужная буква тут же выплывается из раскаленного свинца и встает в сторону. С набранных свинцовых страниц снимают матрицы, которые поступают в отливочное (стереотипное) отделение. Три отливных аппарата сист. Винклер, дыша горячим металлом, отливают по ним стереотипы. Растопленный свинец заливает все выбоины матриц.

повкой и обрезкой, выходит из ротаций в течение часа. Машина печатает, сама складывает все тридцать две страницы, сама фальцует.. Журнал выходит готовым. Четыре большие плоские машины печатают «Новый Мир».

На улучшение условий труда рабочих в новой типографии «Известий» обращено много внимания. Масса света, воздуха. Усовершенствованная вентиляция освещает атмосферу машинного отделения, стереотипной, наборной. Ряд шкафчиков в полуподвальном помещении предназначен для одежды рабочих. Приходя на работу, раздеваются, вешают платье, каждый в своем шкафчике. После работы, грязные, покрытые пылью и потом, они бегут к умывальникам, рубахи долой,—и в говоре, в веселом плеске, энергично трут лица, шеи, груди. А кто хочет — идет под душ. В сильных, облицованных глазурованными плитками, кабинках — отдельно мужские и женские — подставляют утомленные тела под бодрые, хлещущие струи.

Д. Физих

выстроили дом, в котором будут сконцентрированы все отделы того сложного производства, о котором так мало знает широкий читатель, изо дnia в день просматривающий свою газету. Здесь находится типография, со всеми своими отделами, цинкография, контора, почтовая и багажная экспедиция, а вскоре сюда переселится и редакция «Известий».

Лучшие машины, многие из которых впервые появляются у нас, привезены из Германии. Механизация, максимальная рационализация производства, внимание тяжелому труду рабочих-печатников, охрана его — таковы характерные особенности новой «газетной фабрики». Сооружение и оборудование ее обошлось, примерно, в 3.300.000 рублей. Строил архитектор-художник Г. Б. Бархин.

Самый верхний — шестой — этаж будет занят под редакцию. В пятом и четвертом этажах — помещения Главной Конторы, контор экспедиции и цинкографии. В состав последней входят четыре лаборатории,

Через две минуты стереотип, полукруглый и блестящий, похожий на рыцарский панцирь, готов. Теперь его только надеть на вал ротационки, смазать черной краской — и бесконечные ленты бумаги, в бешеном вращении, пробегая мимо, будут выходить готовой газетой. Ежедневно для четырехрольных ротаций отливается до 272 стереотипов.

Особые лифты опускают в первый этаж, к машинам. Блестя сизой сталью, бесчисленными рычагами и колесиками, тут висят громадные, как слоны, три ротационки. Всего их будет пять, фирмы Ман, высшей конструкции. В бешено стучащем грохоте, в вихре разматывающихся многошарнировых рулонов бумаги, они выпускают в час 36.000 экземпляров газеты. Весь тираж газеты в 500.000 экз. отпечатывается в течение пяти часов. Подача бумаги из подвала к машинам механизирована.

В этом же этаже две иллюстрационные ротации и два офсета. 12.000 экземпляров «Красной Нивы», вполне готовых, с фаль-

Рационализированный чайник

Что такое кирпич? — Кирпич, как кирпич. А для Государственного Института силикатов изучение условий появления трещин в кирпиче, искусственная сушка кирпича, вопрос о теплопроводности кирпича, пластичности глины — большое дело.

Современные «алхимики» заняты не только научной теоретической работой в лабораториях. Наряду с химическими анализами, с работой, например, по теории цветов, институт занят и чисто практическими работами, которыми могут заинтересоваться не только руководители наших силикатных предприятий, но и... «домашние хозяйки».

На полке — модель рационально построенного чайника и такой же рациональной сахарницы. Рациональный чайник, оставаясь чайником и выполняя свое прямое назначение, очень удобен по форме, дает экономию в производстве (не требует двойного обжига), и его труднее расколоть, чем чайник нерациональный. Обычно у чайника нерационального прежде всего погибает крышка: начнут наливать неосторожнно — и крышка конец. У чайника рационального крышка почти не выпадает: она углублена и, кроме того, задерживается маленьким выступом в ручке. У нерационального чайника был длинный и ненужный нос и непропорционально большая ручка. Нос у чайника рационального совсем маленький, а для ручки отведено столько, сколько нужно для удобного захвата. А крышка сахарницы не кладется на стол, а ловко скрывается в самой посудине.

То же с чашками, масленкой и т. д. Вы думаете, что это пустяки, что это неважно в производстве современной посуды?! Но посмотрите на рисунок, где изображена упаковка рациональной и нерациональной посуды. Поговорите со специалистами и вы убедитесь, что здесь соблюдается большая экономия (по подсчетам 5—10% общей себестоимости), причем нисколько не нарушается эстетика.

Институту удалось добиться успеха и в изготовлении фаянсовой посуды без свинцовой глазури, отравляющей потребителя. Опыты были произведены по заданию Наркомздрава и ныне уже выработана рецептура на бессвинцовую фаянсовую глазурь. А что значит посуда без свинца, какое это имеет громадное практическое значение, — об этом можно узнать в любой кухне.

Институт заинтересовался и производством крестьянской посуды, простой, удобной и раскрашенной по требованиям крестьянского рынка и с большей художественностью.

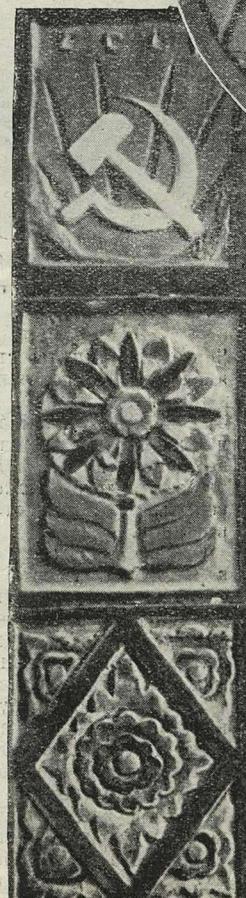
В лабораториях института вы узнаете, что простые, дешевые и красивые изразцы для печей, напоминающие старинные русские изразцы, сделаны по заказу Воскресенского училища, что институт интересуется и керамикой Средней Азии и высоковольтными изоляторами, и эмалью на чугуне... Превосходные и конкурсные работы, образцы которых мы здесь даем.

Не менее значительные работы произведены институтом по варке свинцового стекла для Госмехторга. До сих пор ампулы, шприцы и т. п. мы получали из-за границы, теперь будем делать сами. На горе Бештау, где путешествовал некогда Лермонтов, найдены залежи трахитов. Миллиарды пудов. В специальной печи, при 1.500 градусах, идут лабораторные опыты, и ныне из трахита будут выделять на заводе превосходное стекло — бутылки, главным образом.

Институт возник в 1922 г. По заданиям предприятий, он изыскивает методы рационализации производства. Ни один стекольный или цементный, или кирпичный, фарфоровый и т. п. завод не строится без участия института. Сотрудники института едут на места для исследования сырьевых баз силикатной промышленности. Они были и на Карадаге, и в Грузии, и в Верхнедудинске, изучали залежи песков под Ленинградом и на Украине, глину Чардахлинского района и т. д.

Начали вообще с малого. А теперь работами института интересуется и заграница. Институт, состоящий в постоянном общении с керамическими обществами Германии и Америки. У института большое будущее.

А. ЕПИФАНСКИЙ

На снимках: 1) Образцы художественной росписи посуды. 2) Фаянсовый барельеф к 10-летию Октября (фабрика им. Калинина). 3) Красноармеец. Фарфоровый барельеф. Скульптура П. Прохорова. 4) Глазурованные изразцы. 5—6) Рационализированный чайник (два типа)

Ладо Гудиашвили (Грузия). — „Прогулка“.

Выставка Искусства Народов СССР.

„1917-й год“ в Гос. Малом театре

Заключительная сцена пьесы—«Победа Октября»

В основе спектакля лежат сценические мемуары Н. Суханова. События 1917 года огромны и подавляющи. Начиная пьесу Февральским переворотом и кончая Октябрьской революцией, авторы (пьеса написана Сухановым вместе с Платоном) берут несизмеримую задачу: полностью вместить 17-й год на сцене означало бы показать и крушение царизма, и несчастную неудачную войну, и нарастание народного гнева, и политическую борьбу партий. Театр и авторы отказались от по-

дробного и невозможного следования истории, перенеся преимущественное внимание на политическую историю—историю смены миnistерств, историю Таврического и Зимнего дворца. Изредка покидала этот основной плацдарм сценического действия для мимолетного изображения фронта, революционного Петербурга или большевистского штаба кануна Октября, спектакль постоянно возвращается к изображению Временного правительства, трагикомические стороны которого сделаны центром

спектакля. Не будучи в силах полно раскрыть движение масс, театр схематически разделил участвующих в пьесе по группам, следуя приемам агитационного представления. Центр положения занимает Керенский, и его история развивается наиболее полно, начиная с его депутатства и кончая постыдным гатчинским бегством. Вслед за одной из острейших сцен представления—арестом Временного правительства—вырастает финал спектакля—революционный Петербург и появление среди толпы Ленина.

Мемуарное изображение событий порою связывается с попытками его художественного освещения. В целях театрального оживления театр допускает ряд эпизодических и непортретных фигур. Ряд исторических образов получает в исполнении театра сатирическое и комическое освещение.

Основным методом постановки (режиссер—Л. Прозоровский, художник—Н. Меньшутин) остается некоторый фотографический натурализм. Он не скрыт и той декоративной установкой, которая стала привычкой для Малого театра последних лет. Портретность образов—главная приманка спектакля. Образы даны только в данный конкретный момент, отрывками, в коротких сценах,—и потому не приходится говорить о развертывании их внутренней линии. При явно соблюденной хроникальности схематизм образов неизбежен. Так оно случилось и в спектакле: актеры не всегда были в состоянии преодолеть трудный материал, лежавший перед ними, но в большинстве случаев создавали внешне типические и характерные образы. Впрочем, в эпизо-

дических фигурах, как напр., в отличном изображении Васениным Чхеидзе, раскрывалось внутреннее зерно образа, как только такое раскрытие допускалось сценическим материалом. Напротив, Керенский в изображении Рыбникова лишен черт того мелкого, но яростного честолюбия, той истерической патетики, которая была свойственна данному премьеру Временного правительства.

Самый стиль спектакля и метод его исполнения придают ему отпечаток, при котором чисто театральные задачи отступают на второй план перед более или менее удачной иллюстрацией событий 1917 года. Очень многое приходится дополнять самому зрителю, так как бурная история 1917 года в рамке спектакля не уместила и не могла уместиться. Этот спектакль—картины в той книжке, которая давно прочитана читателем и зрителем; прочитана 10 лет тому назад.

Керенский—заслуженн. арт. Н. Рыбников

Чхидзе—заслуженн. арт. А. Васенин

шевистского штаба кануна Октября, спектакль постоянно возвращается к изображению Временного правительства, трагикомические стороны которого сделаны центром

Издание „Известий ЦИК СССР и ВЦИК“
Москва, Тверская, 20. Телефон 5-36-58

Москва. Главлит А. 2420

Редакторы: А. В. Луначарский, В. П. Полонский, И. И. Степанов-Скворцов

Типография „Известий ЦИК СССР и ВЦИК“, Путинковский пер., 5.

Тираж 110.000 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1928 ГОД НА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НОВЫЙ МИР

4-й ГОД ИЗДАНИЯ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

4-й ГОД ИЗДАНИЯ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, В. ПЛОДОВСКОГО, И. И. СТЕЛЯНОВА-СКОВОРЦОВА

С января 1928 г. журнал „НОВЫЙ МИР“
БУДЕТ ВЫХОДИТЬ В УВЕЛИЧЕННОМ ОБЪЕМЕ
НА ЛУЧШЕЙ БУМАГЕ КНИГАМИ ОТ 15 ДО 19 ЛИСТОВ.

В 1927 г. подписчики получили 2.688 стр. текста
В 1928 г. подписчики получат 3.168 стр. текста
— на 480 стр. больше.

В 1928 г. в ЖУРНАЛЕ „НОВЫЙ МИР“ будут напечатаны:

РОМАНЫ:

МАКСИМ ГОРЬКИЙ.—Из трилогии «Сорок лет».
АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ.—Хождение по мукам.
АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ.—Россия, кровью умытая.
МИХАИЛ ПРИПИИН.—Последние повести из жизни Алпатова
А. МАЛЫШКИН.—Севастополь.
ПАНТ. РОМАНОВ.—Новая скрижаль.

ПОВЕСТИ:

Л. ЛЕОНОВ.—Провинциальная история.
Н. ОГНЕВ.—Кость Рабцов в вузе.
К. ФЕДИН.—Храстофор с собачьей головой.
С. СЕРГЕЕВ-ЦЕПСКИЙ.—Маша.
П. НИЗОВОЙ.—Под северным небом.
М.ИХ. ВОЛКОВ.—Жилтоварищество № 1331.
А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ.—Два друга.
И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ.—Елена.
Н. ПИКАНДРОВ.—Московские будни.

ПЬЕСЫ:

И. БАБЕЛЬ.—Закат.
Л. ЛЕОНОВ.—Утиловск.

МЕМУАРЫ:

А. ВОРОНСКИЙ.—«За живой и мертвой водой» (часть 2-я)

РАССКАЗЫ:

Глеба Алексеева, И. Бабеля, В. Вересаева, Ф. Гладкова, Б. Губера, Л. Завадовского, А. Караваевой, И. Касаткина, В. Кацаева, С. Клычкова, Л. Леонова, Вл. Лидина, Н. Ляшко, А. Масарова, П. Низового, Г. Никифорова, А. Новикова-Прибоя А. Перегудова, Бор. Пильника, Михаила Пришвина, Л. Сейфуллина, А. Серифимовича, Н. Тихонова, К. Тренева, А. Чайкинина, П. Ширяева, В. Шипкова, В. Юрзанского, А. Яко влева и др.

СТИХИ И ПОЭМЫ:

С. Алымова, Э. Багрицкого, А. Безыменского, М. Герасимова, М. Голодного, М. Данилова, И. Доронина, П. Дружинина, А. Жарова, Н. Зарудина, В. Казина, П. Орешина, Б. Пастернака, Д. Петровского, И. Садофьева, В. Сайнова, М. Светлова

и. Сельвинского, Д. Семеновского, Б. Соловьева, Н. Тихонова, И. Уткина, Н. Ушакова и др.

СТАТЬИ и ОЧЕРКИ ПО ВОПРОСАМ БЫТА, ПОЛИТИКИ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ:

Род. Акульшина, Н. Галкина, С. Далина, А. Дивильковского А. Зорича, М. И. Калинина, А. С. Киселева, А. Перегудова И. И. Степанова-Скворцова, Б. Штейна и др.

СТАТЬИ и ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРЕ:

А. Воронского, Д. Горбова, Н. Заморкина, В. Красильникова Р. Кудла, Евг. Ланы, А. Лежнева, Г. Ледевича, С. Плакентей гера, В. Переверзева, Ник. Смирнова, В. Фриче, Г. Якубовского и др.

Критические заметки Вяч. Полонского.

СТАТЬИ О ИСКУССТВАХ:

Е. БРАУДО, П. МАРКОВ, В. САХНОВСКИЙ (о театре), Я. ТУ ГЕНДХОЛЬД, А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ (изобразительные искусства)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ и ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАТЬИ:

Письма Горького в Коцюбинскому; неизданные материалы о Ф. Достоевском, Н. Некрасове, В. Ерофееве; статьи В. Вересаева о Пушкине, П. Е. Щеголева о Сухово-Кобылине и др.

ПИСЬМА ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ:

И. Эренбург (Франция), А. Габор и Эрвин Киш (Германия)

ТРИБУНА — дискуссионные статьи по вопросам искусства и литературы.

НАУКА и ТЕХНИКА:

статьи акад. С. Ольденбурга, акад. А. Ферсмана, П. Козлова проф. Н. Кольцова, К. Корнилова и др.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1928 год:

На 12 м.	На 9 м.	На 6 м.	На 3 м.	На 1 м.
10 р.	8 р.	5 р. 50 к.	3 р.	1 р. 10 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОЙ КНИГИ В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ — 1 р. 40 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В МОСКВЕ: 1) Главной К-рой «Известий ЦИК»; 2) Гор. отд. «Известий ЦИК», Тверская, 48; 3) Почтамтом; 4) Гор. почт. отд.; 5) Письмоноспами; 6) Справ. бюро М.К.Х

В ЛЕНИНГРАДЕ: 1) Отдел. «Известий ЦИК», Пр. 25 Октября, 68; 2) «Газетным Бюро» при Ленинградск. Почтамте; 3) Городскими почтовыми отделениями; 4) Письмоноспами

В ПРОВИНЦИИ: 1) Отделениями «Известий ЦИК» на местах; 2) Почт-телефрафными конторами СССР; 3) Контрагентами по распространению периодической печати.

ПОДРОБНО ДЛЯ САМООБУЧЕНИЯ ДЛЯ РИСОВАНИЯ

1. КАТУРКИН, Т.—Наблюдат. перспектива 1.2
2. ЯНОВ, А.—Театральные декорации. 2.5
3. БОГАЧЕВ, А.—Плакат. 2.5
4. РАДАКОВ, А.—Карикатура. 1.
5. РАДЛОЗ, Н.—Графика. 7.
6. НОВИКОВ, А.—Элементарное рисование. 1.5
7. Его же.—Рисование с натуры. 2.5
8. Его же.—Курс орнамента. 2.5
9. ЛЕСОВОЙ, В.—Беседы об искусстве. 2.

В книгах содержится очень много ценного материала для лиц, занимающихся самостоятельно рисованием, художников и преподавателей рисования. Весь комплект (17 книг) высыпается за 32 р. (включая перес.) при задатке 10 р. Отдельн. книги высыпаются налож. плат с добавлением стоимости пересылки. Ничине дело „БЛАГО“ Ленинград, ул. Ракова, 5-Н.

ВСЕ книги **ВСЕХ** изд-ств, ред-кие, распроданы, по **ВСЕМ** вопросам (сельскохоз., медицина, техника, беллэтистика и др.)

УЧЕБНИКИ для всех учебных заведений.

БИБЛИОТЕЧКИ: обороны (военные), октябрьские, детские, ценой в 3, 5, 10, 15, и 20 руб.

Художественные лубки и красочные плакаты высыпаются немедленно наложенным платежом.

Москва, Центр, Никольская, 12. Тел. 1-24-76. Издательство МОСГУБШЕФСОВЕТА.

1. КАТУРКИН, Т.—Линейная перспектива. 1.2
2. НОВИКОВ, А.—Рисование углем. 1.2
3. Его же.—Рис. чел. тела. 3.5
4. КАТУРКИН, Т.—Наброски и композ. 2.
5. ШЛЕЦЕР, Б.—Очерки по истории живоп. 2.5
6. МАКОВСКИЙ, А.—Масляные краски 2.5
7. ЛЕПИКАШ, А.—Акварель. 4.
8. ХУДОЖЕСТВ. ШРИФТЫ. 3.5

ЕСЛИ ВАМ НУЖНА КНИГА по ТЕХНИКЕ, по СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ, по МЕДИЦИНЕ разные РУКОВОДСТВА, БЕЛЛЕТРИСТИКА, издания редкие и распроданные

и вообще **ЛЮБАЯ КНИГА**

НАПИШИТЕ в ВАМ их ВЫШЕТ

наложенным платежом

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Нооп. Изд-ва ПИСАТЕЛЕЙ

„НИКИТИНСКИЕ СУБОТНИКИ“

МОСКВА. 19, ул. Герцена, д. 10/А.

ЛЫЖИ

собственных мастерских

лучшее выработки

длины 80-90 футов. ДЕТСКИЕ

ПРОГУЛОЧНЫЕ

ЦЕНА 10-90-70-80-60-40-40-40

ХАЛАВЕЗИ ИДЕАЛ

ЦЕНА 15-90-120-70-50-30

10-40-70-50-30

ТЕЛЕМАРК

ДЛИН. 70-75-80-80-70-10-90

ОХОТНИЧИЕ ВСЕВОБУЧЬ

ЦЕНЫ УМЕДЕННЫЕ

ВЫСЫПАЕТ НАЛОЖНЫМ ПЛАТЕЖЕМ

ЦЕНТР. КОМИТЕТ СПАСАНИЯ на ВОДАХ

ПО ПОЛУЧЕНИЮ ЗАДАЧИ В 95%

МОСКВА, СОЛЯНКА, 1. ПОДЕЗД 15А. КОМ. 4.

ПОПУЛЯРНЫЕ КНИГИ:

В. Дубовской—Бог и Магнера.

Пьеса для клубов. Ц. 20 к.

А. Луначарский—Интеллигенты и религии.

Ц. 40 к. Проф. В. Никольский—Как познался христианство на Руси. Ц. 50 к.

„Сизый нос“. Сборник антирелигиозных рассказов. Ц. 20 к. „Пелагея с Прокоровки“.

Сборник рассказов Ц. 20 к. „История одной забастовки“.

Сборник. Цена 20 копеек.

„Белый осел“—Сборник. Ц. 20 к. „Веселые безбожные открытия“ в красках. Серия 1-я (5 открыток). Ц. 40 к. Се

рия 2-я (8 открыток). Ц. 60 к. Журнал „Безбожник устанка“ в комплектах за прошлые

годы. Цена за годовой комплект в переплете—3 руб.

Заказы и деньги адресовать

Москва, центр, Петровка 11/56, издательство „Безбожник у станка“.

Книги могут быть также высланы наложенным платежом.

ВСЕМ!!!

Трактористам и автомашинистам необходимо иметь вновь выходящую книгу „НИКО“ (Орловский Ник. А.) **ТРАКТОР „ФОРДЗОН“**. Подробнейшие сведения об устройстве, уходе и ремонте. 280 стр. 185 черт. Популярное изложение в вопросах и ответах. Свед. об устройств. и действиях частей трактора так подробны, что книга является необходимым руководством для всех. Ц. 3 р. 50 к. При высылке денег вперед, пересыпается бесплатно. Книж. магаз. „ЭКСКУРСАНТ“ Ленинград, 14, просп. Володарского, 47. Телеф. 5-27-48.

ЗАЧОЧНАЯ ЧЕРЧЕНИЯ

ШКОЛА ПОДГОТОВКА ЧЕРТЕЖНИКА КОНСТРУКТОРА НА ДОМУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:

1. МАШИНОСТРОИТЕЛЬНАЯ.
2. ЖИЛ-СТРОИТЕЛЬНАЯ.
3. ИЛЛЮСТРАЦИОННАЯ.

ГЛАВНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ инж. А.М. ИЕРУСАЛИМСКИЙ ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ БЕСПЛАТНО ЗАПРОСЫ АДРЕСОВАТЬ СЕКРЕТАРЮ школы З.В. ЛЕВИЧ. ЛЕНИНГРАД, Чернышев пер. 14, к. 15

БУХГАЛТЕРИЯ

может каждый с большим успехом самостоительно изучить у себя на дому в короткий срок

обучаясь **ЗАЧОЧНО**

по лекциям препод. комм. знаний

А. П. ГОЛЬДИНА.

Имеется много лестных отзывов от учеников, из которых многие по окончании поступили на службу. Грабеж БЕСПЛАТНО ВРОШОРУ: СИСТЕМА ЗАЧОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

и отзывы учащихся.

Ленинград, ул. Красной Связи, 4-2

А. П. Гольдину.

КОММЕРЧ ВЫЧИСЛЕНИЯ

ВЫ МОЖЕТЕ

сами без помощи учителей изучить основательно по популярным практическим самоучителям иностранные языки, коммэрч. науки, рисование, черчение, рисов. шрифты. Подробный проспект высыпается бесплатно.

ЛЕНИНГРАД, ул. Ракова 5-Н

Книжное дело „БЛАГО“.

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

ИЗЫСКАННОЕ УКРАШЕНИЕ

ФОТО-ЗМЕЛЕВЫЕ портреты на булавках и брошиах больших размеров из АМЕРИКАНСКОГО ЗОЛОТА 1 шт. 2 р. 50 к. 2 шт. 4 р. Кажд. послед. по 1 р. В красках натуральны на 1 р. дороже; по получении фотографической карточки заказ выполняется немедленно наложенным платежом, фотограф. возвр. в сохранн.

— Москва, Почтамт, почт. ящ. № 764 —

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

ПРИЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ и ПОДПИСКИ с 9 час. утра

ПРОИЗВОДИТСЯ до 8 час. веч.

по субб. с 9 час. утра до 5 час. веч.

Отдел объявлений газеты „ИЗВЕСТИЯ ЦИК СССР и ВЦИК“.

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЕЧАТАНИЕМ

и на-днях выйдет в свет
ДВЕ НАДЦАТАЯ (декабрьская) КНИГА

ЛITERATURNO - ХУДОЖЕСТВЕННОГО

И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

НОВЫЙ МИР

под редакц. А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО, И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА

Содержание:

1. А. Л. ТОЛСТОЙ.—Хождение по музеям, роман (продолжение).
2. А. СЕРАФИМОВИЧ.—Дора, отрывок из романа „Борьба“.
3. Э. ВАГРИЦКИЙ.—Папирисный коробок, стихотв.
4. ВС. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.—Баллада будней, стихотв.
5. МИХ. ПРИШВИН.—Зеленая дверь, роман (окончание).
6. И. СЕЛЬВИНСКИЙ.—Ход коня, поэма.
7. А. АРОСЕВ.—Две республики, поэвст (окончание).
8. Н. УШАКОВ.—Эстония, стихотв.
9. МИХ. ГОЛОДНЫЙ.—Песня борцов, стихотв.
10. АЛ. ЯКОВЛЕВ.—Семка, рассказ.
11. АЛ. МАКАРОВ.—Торжество Арлекина, рассказ.
12. П. РАДИМОВ.—Коромысла, стихотв.
13. ПЕТР ОРЕПИН.—Песня морского вала, стихотв.
14. А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.—Всенародное показание, стихотв.
15. П. Е. ШЕГОЛЕВ.—Пушкин и музыки (окончание).
16. БОР. КУПИНЕР.—Движение вещей.
17. В. ВЕРЕСАЕВ.—О книжной пыли, о компилиматах Рузельти и о двух великих русских революциях.
18. А. ЗАПРОСКАЯ.—Иоганнес Бехер.
19. Д. ФРИМЭН.—Жизнь и смерть Сакко и Ванцетти.
20. ВЯЧ. ПОЛОНСКИЙ.—Графические искусства и культурная революция.
21. ФОР. СКОБЕЕВ.—Литературный ларек.
22. ПУТЕШЕСТВЕННИК.—Уездные очерки.
- КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Д. Горбов, А. Лежнев, Як. Бенни, Виктор Гольцов, Н. Замонкин, Арк. Глаголев, Нев. Якобсон.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в МОСКВЕ—Главн. Контроль „Известий ЦИК“, Тверская, 48, городскими отделениями „Известий ЦИК“, почтамтами, городскими почтовыми отделениями и письмоносыдами.

В ПРОВИНЦИИ—Отделениями „Известий ЦИК“, на местах почтово-телефонными конторами и контр-агентами по распространению периодической печати.

Акционерное Общество Москва, Центр, „Гармония“ Покровка, 38/в.

Учред. Г. И. Говоров

Фирма существует с 1884 г.

ВЕНСКИЕ ГАРМОНИИ хромат. БАЯНЫ СТРУННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Иллюстр. прейс-курант высып. за две 8 коп. марки.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
МЕДСНАБ
ТОРГПРОМ

ЗАКАЗЫ И ПИСЬМА АДРЕСОВАТЬ:
Ленинград, „МЕДСНАБТОРГПРОМ“.
Ул. Гоголя, 11-К.

ДОМАШНЯЯ АПТЕЧКА

должна находиться в каждой фабрике, фабрике, заводе, клубе, изб-читальне, библиотеке, домоуправлении, а равно в квартире каждого трудящегося.

ДОМАШНЯЯ АПТЕЧКА
содержит 24 предмета и снабжена указателем способа употребления.

ДОМАШНЯЯ АПТЕЧКА
высыпается немедленно, и стоимость ее с упаковкой и пересыпкой ТРИ РУБЛЯ.

При коллективной подписке не менее 15 аптечек предоставляется скидка 10%
заказы выполняются по получении задатка в
РАЗМЕРЕ 25%.

Уполномоч. для приема об-
являл. в газ. „Известия ЦИК“
и журналах „Красная Нива“
и „Нов. Мир“ по тел. 5-44-26, 5-43-39, 1-84-41.

500
РЕЦЕПТОВ
НЕОБХОДИМЫХ
КАЖДОЙ ХОЗЯЙКЕ

ПРЕДЛАГАЕТ
новая книга

А. С. СКОРИКОВ

ПЕРЕРАБОТКА
МЕДА

В ДРУГИЕ ПРОДУКТЫ

Стр. 182. Цена 1 р. 25 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Общие правила и
наставления. Рецепты: ку-
шаны, консервы, маринады,
печенья, пирожные, торты:
конфеты, варенье, напитки
медовые, ликеры, вина, вар-
ены, лимонады, уксусы и пр.

ТРЕБУЙТЕ
всех магазинах

ГОСИЗДАТА!

Эту книгу по почте высыпает немедленно по получении заказа с ссылкой на это обявление.

Москва, Центр, ГОСИЗДАТ,
„КНИГА - ПОЧТОЙ“.

ПРЕСТУПНЫЙ
МИР МОСКВЫ

(с фотографиями и рисунками).
Сборник. Краткое содержание. Грабители
и бандиты. Убийцы. Рецидивисты. Воры.
Мошенники. Самогонщики. Криминальные
психопаты. „Дети-преступники“. Та-
гуировка в местах заключения. Ц. 3 р. 50 к
При высылке денег (или марок)
вперед пересылка бесплатна.

Заказы направлять Кооперативному изда-
тельству „ПРАВО и ЖИЗНЬ“.

Москва 34, ул. Кропоткина, 17.

ОБЯВЛЕНИЯ
о сдаче и найме
помещений, дач,
а также о пере-
мене квартир и комнат ПРИНИМАЮТСЯ
к ПЕЧАТАНИЮ в „Известиях ЦИК СССР и
ВЦИК“ по 75 коп. СТРОКА.

МИЛЛИОНЫ
ЛЮДЕЙ ПОКУПАЮТ
АРОМАТИЧЕСКИЕ ЛЕПЕШКИ
„РИЧАРД ВЕРДО“

ДЛЯ МОМЕНТАЛЬНОГО ПРИГОТО-
ВЛЕНИЯ РАЗН. НАЛИВОК, НАСТОЕК,
КОНЬЯКА И ЛИКЕРОВ ПРЕКРАСНО-
ГО КАЧЕСТВА, ВКУСА И АРОМАТА.
ЦЕНА - 30 КОП. КОРОБКА.
Главн. П. ЗАКЛИН, локальная, 13.
По требов. высыпаем ассортимент
в колич. не менее 10 короб. налож.
платежом. Перепродавцам скидка

Зубная паста
„Калодонт“

Охраняйте зорко фронт-
-полость рта и зубы
С покупайте „Калодонт“
С маркой „АКО“ тузы

ЛАБОРАТОРИЯ КООПЕРАТИВА
„Гален-Москва“ МОСКВА
УЛ. ГЕРЦЕНА 5/203

КРАСОТУ и МОЛОДОСТЬ
ПРИДАЮТ
КРЕМ, МЫЛО, ПУДРЫ
ИМПАСА
С метаморфоза

РАДИКАЛЬНО УСТРАНЯЕТ ВЕСНУШКИ
И ДРУГИЕ ДЕФЕКТЫ КОЖИ
ТРЕБУЙТЕ БЕЗДЕ

настоящие - только с надписью „Импак и фабричной маркой“

С ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на дешевый 1928 г. необходимый
в каждой семье
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПОСЛЕДНИЕ МОДЫ

Журнал для женщин. VI год издания.
Практ. обуч. кройки и шитье на дому.

В каждом №—100 моделей платья,
верхн. вещей, белья. Уроки кройки и
шитья, рукоделья. чертежи выкроек,
руководство к ним. Год. подпischик.
12 печатн. выкр., 12 лист. рук. работ,
12 выкр. натуральны величины,
по которым каждая женщина БЕЗ
ПОСТОРОННЕЙ ПОМОЩИ сошьет лю-
бую вещь.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 год —
8 р., на 6 мес. — 4 р. 25 к., на 3 мес. —
2 р. 50 к. ВНОСЯТСЯ ПОЛНОСТЬЮ
ПРИ ПОДПИСКЕ.

Москва, Б. Бронная, 15/8.
Ленинград, Стремянная, 2.

ВСЕ
для
МУЗЫКИ!!!

БАЛАЛАЙКИ — 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15,
20, 25, 30 рублей.

ГИТАРЫ — 15, 18, 20, 25, 30, 40,
50, 500 рублей.

МАНДОЛИНЫ — 12, 15, 18, 20, 25, 30,
40, 50 рублей.

ГАРМОНИИ — 2-х рядн. венсн. — 35, 40,
45, 50, 65, 75, 85 и 125 р.,

СТРУННЫЕ и мелкие муз. принадлежности
для всех инструментов.

Высыпка наложенн., платежом
до 5 р. без задатка.

Иллюстрирован. прейскурант
высыпается за две 8-к. марки
ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Ленинград. Леон ВАЛЯЩИК,
Гостинный Двор, № 12/9.

Подарок молодым хозяйствам
ДЕШЕВЫЙ СТОЛ

Кулинарная книга, свыше 300 мясных и
вегетарианских блюд, с приложением

МЕНЮ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

Цена с пересыпкой 95 к., налож. плат.
1 р. 10 к. Заказы направлять:

МОСКВА, 19. ул. Герцена 22/11. Книж. маг.

Ш. З. ЭЛЬЯШЕВА

ФОТО-ПОРТРЕТ

Увеличение с любой карточки в паспорту
и БАГЕТНОЙ РАМЕ 10×12 вершков 5 руб.,

12×14 в. 8 руб. На брошиках и булавках

ФОТО-ЭМАЛЬ. Квадр., овальн. и кругл.
формы от 1—5 см. Больш. 3 р., средн. 2 р.
мал. 1 р. 50 к. Карточки высыпайте без за-
датка (возвращаю в целости). Москва, 21

Пашков пер., д. № пять В. А. Шиманскому

При заказах 4-й бесплатн.

СЛЕДИТЕ
ЗА КНИЖНЫМ РЫНКОМ
ПО ЧЕТВЕРГАМ
в „Известиях ЦИК СССР и ВЦИК“.